Разлом

Автор:
Валентин Тырин

Разлом

Валентин Холмогоров

Михаил Юрьевич Тырин

Пограничье #9

И вновь, как в дни Катастрофы, содрогнулись равнины и горы застывшего в повседневности Центрума. Рвутся через границы танковые колонны, наматывая на траки жухлую степную траву. Горят заставы, а сами бойцы Пограничной Стражи вынуждены направлять оружие против тех, кого и в мыслях не могли считать врагами.

Беда не обходит стороной и бойцов 16-й заставы – Хмеля, Деда, Ударника. Их ждут новые опасности и новые дороги: они узнают, что творится на дне Разлома, раскроют мистические тайны, которые хранит племя мартышей, и даже увидят своими глазами таинственный и зловещий мир Очага…

Валентин Холмогоров, Михаил Тырин

Разлом

© С. Лукьяненко, 2013

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Глава 1

Снег в Центруме – явление редкое, особенно здесь, в жарких и засушливых пустошах восточного Клондала. Дожди тут случаются тоже нечасто, хотя местные и болтают, будто раньше в протянувшихся вдоль границы Лореи предгорьях зеленели плодородные долины, а бесчисленные речушки несли свои шумные воды откуда-то с вершин Синего Кряжа, чтобы напоить колосящиеся золотом поля. Врут, наверное. Трудно представить, что вот этот унылый и безжизненный пейзаж был когда-то наполнен пением птиц и шелестом изумрудной листвы, не вписывается такая картина в местный суровый климат.

Высыпавший недавно снег уже подтаял, превратившись под ногами в хлюпающую жидкую кашу. Внизу, у подножия кряжа, он, наверное, и вовсе сошел на нет, однако здесь прохладный горный воздух еще давал ему призрачный шанс ненадолго продлить свой век. Подкованные подошвы башмаков оставляли на белом снежном покрове глубокие ребристые прогалины, а пальцы ног Алекс перестал чувствовать еще полчаса назад. Но любые неудобства можно перетерпеть, если для пользы дела. Снег, укутавший скалистые уступы бугристой рыхлой пеленой, надежно хранил следы. Следы беглеца, которого они преследовали вот уже четвертый час кряду.

Ступавший впереди Готир Гольм вполголоса выругался на клондальском, поскользнувшись на очередном камне, что прятался в снежном месиве. Ботиночки у него местные, антарийской работы, а значит – крепкие, но для скаканья по горам непригодные вовсе. Тут гораздо лучше подошли бы земные шнурованные берцы армейского образца. Жаль, большинство ширпотребовских моделей на гидрофобном резиновом ходу не выдержит местных реалий и расползется по швам буквально на второй день. Не живут в Центруме долго ни синтетический клей, ни микрофибра, ни искусственная резина, которую земные обувщики привыкли пускать на подошвы.

– Башку не сверни, – мрачно предостерег напарника Алекс, и из его рта вырвалось призрачное облачко пара.

– Не дождешься, – столь же любезно отозвался Гольм, перевесив чуть поудобнее болтающийся за спиной карабин.

Беглец, судя по оставленным на снегу следам, был один и направлялся по склону вниз, в долину, открыв портал где-то возле перевала – это место преследователи миновали еще утром. По всему выходило, что шел он с грузом и потому особо не спешил. Гораздо хуже другое: ходок имел фору часа примерно в два, и догнать его на скользких горных кручах было нереально даже налегке. «Не возьмем, так хоть спугнем, – зло подумал Алекс, пытаясь пошевелить пальцами в задубевших ботинках. – Тропа тут одна, если повезет, он прямо к секрету и выйдет».

У подножия Синего Кряжа, там, куда вела узкая извилистая стежка, располагался секрет шестнадцатой пограничной заставы, и уже примерно с полчаса там должны сидеть в наряде Хмель с Эльбаром. В последний год Ударник поставил службу крепко, а потому редкие вылазки на патрулирование пустошей, что практиковались среди клондальской пограничной стражи прежде, сменились регулярными и посменными дежурствами на наиболее опасных маршрутах. Эх, хорошо бы еще портативную рацию сюда, да вовремя предупредить ребят, чтобы организовали комитет по встрече. Но о такой роскоши приходилось только мечтать.

Низкое сизое облако цеплялось мохнатым брюхом за нависшую над тропой горную хребтину и сползало вниз по склону, выстилая туманной дымкой узкие ущелья по сторонам – шагнешь с тропы, и поминай как звали. Ледяной ветер лизнул щеку, бросил в лицо очередную пригоршню колючей снежной крошки. В носу защипало. Все-таки хреновая зима выдалась в Клондале в этом году. Холодная и сырая.

– Может, привал устроим? – с тоскливо-просительными интонациями снова заныл Гольм, и Алекс злорадно ухмыльнулся. Паренек был мало того что из местных, так еще ко всему прочему происходил из богатенькой семьи – его родной дядя служил какой-то крупной шишкой в Министерстве иных миров, организации, которой формально подчинялась клондальская пограничная стража. Он-то и пристроил племянника на шестнадцатую заставу, чтобы не болтался без дела. Несмотря на неплохое образование, Готир Гольм оказался типичным оболтусом, привыкшим проводить время в кабаках да на шумных вечеринках в компании друзей и беспутных девиц. Жил бы на Земле – разъезжал бы по ночным клубам на папином «Мерседесе», без толку прожигая собственную жизнь и чужие

деньги. Однако «Мерседесов» в Центруме не водилось, и потому непривычный к тяготам и лишениям Гольм, впрягшись по воле дядюшки в тугую лямку пограничной службы, явно чувствовал себя не на своем месте, что и демонстрировал окружающим при каждом удобном случае. Алекс Гольма не любил, пользуясь при этом искренней взаимностью, и об этом прекрасно знал весь личный состав заставы. Тем не менее Ударник упорно продолжал ставить Гольма в пару Алексу, не то надеясь, что тот смирится с таким напарником, не то ожидая, что паренек перекуется из столичного бездельника в опытного бойца, хорошенько нюхнув пороху и портянок.

– Не хрен яйца морозить, – проворчал в ответ Алекс, – хотя они у тебя и без того, похоже, звенят. Быстрее пойдем – скорее согреемся.

Гольм буркнул себе под нос нечто нечленораздельное, но все-таки заткнулся. Вот и славно. Болтать попусту Алекс не любил.

Тропа вильнула за заросший мхом утес, украшенный густой благородной сединой налипшего по бокам снега. Склон сделался более пологим, и идти стало легче, хотя под ногами по-прежнему путались мелкие острые камни.

– Что это? – Гольм замер посреди тропы столь неожиданно, что Алекс едва не налетел на его тощую сутулую спину. Густой грохот, похожий на отзвуки далекой грозы, прокатился над кряжем, ухнув эхом где-то в ущелье. Звук в горах разносится далеко, но определить его природу порой невозможно – он искажается, многократно отражаясь от каменных склонов, и становится не похож сам на себя. Однако этот звук Алексу был хорошо знаком.

– Идем! – коротко скомандовал он. – Быстрее!

Бег с горы только кажется легким делом: шанс оступиться и с непривычки поломать себе шею очень велик, особенно если не смотреть под ноги. Придерживая локтем «калаш», чтобы приклад не бил по бедру, Алекс чуть наклонился вперед и побежал, стараясь шагать не слишком широко и наступать на самый подъем стопы – так гораздо меньше вероятность упасть. Сзади сипло пыхтел Гольм. Снова громыхнуло, из низины донеслось несколько громких хлопков, а потом послышалась прерывистая автоматная трескотня. Это было странным: вслушавшись в звуки завязавшегося боя, Алекс пришел к выводу, что там, внизу, лупили сразу из нескольких стволов. Если беглец был один, а

прячущихся в секрете пограничников – двое, они вряд ли сумели бы устроить подобную канонаду. Да и не стал бы опытный Хмель первым открывать огонь. Только если контрабандист начал стрелять сам, с перепугу, нарвавшись на притаившуюся в секрете засаду. Или у Эльбара нервы не выдержали, пацан ведь еще совсем… А может, нарушителя ждали сообщники? Такое тоже возможно, хотя клондальские пустоши всегда считались местом относительно спокойным, а контрабандистские кланы традиционно выбирали для своих масштабных операций места менее людные. Здесь чаще всего действовали ходоки-одиночки.

Спустя пару минут все смолкло, и теперь тишина нарушалась лишь шелестом осыпающихся камней под ногами. Алекс замедлил шаг, перекинул автомат стволом вперед и сдвинул переводчик огня в положение автоматической стрельбы. Подав напарнику знак рукой, он пригнулся и осторожно выглянул из-за преградившего им путь нагромождения валунов, когда-то в незапамятные времена принесенных сюда оползнем.

Взгляду открылся поросший чахлым кустарником распадок, в который ныряла тропа. Слева за зарослями жухлого широколиста виднелся пологий каменистый холм, с которого открывался отличный вид окрест, – на его вершине и был оборудован секрет, позволявший укрыться среди ноздреватых скальных выступов от посторонних глаз. А вот ниже, там, где тропа вырастала в дорогу, петляющую по направлению к долине, стояла обычная деревянная телега из тех, на которых испокон веку ездили местные крестьяне. Запряженная в оглобли понурая пегая кобылка лениво мела хвостом, а вокруг суетились четверо мужичков в простых суконных армяках, причем все они оказались вооружены гладкоствольными берданками клондальского производства. Двое, крикливо переговариваясь, грузили в телегу объемистый брезентовый тюк, в котором Алекс с первого взгляда признал советский «абалаковский» туристический рюкзак, еще двое настороженно озирались, сжимая в руках винтовки. Пошарив в закрепленном на поясе подсумке, Алекс извлек оттуда бинокль. Хороший бинокль, цейсовский, сейчас такой с трудом можно раздобыть даже на Земле, а здесь он и вовсе стоил бешеных денег. Но если кто и предложил бы ему обменять этот замечательный предмет на золото по весу, Алекс не задумываясь отказался бы. Бинокль, доставшийся ему по наследству от деда, а тому – от убитого в лесах под Гомелем немецкого офицера, цены для него не имел.

Осмотрев сквозь окуляры макушку холма, Алекс скользнул взглядом по каменистому склону. Ни единого намека на движение. Если его коллеги и были на месте, они определенно затаились. А вот там, где сейчас толпились местные,

бинокль позволил разглядеть одну ранее скрытую от глаз деталь: на темных от времени досках телеги лежал труп, судя по ветхой одежде, принадлежавший одному из крестьян, что приехал сюда вместе с остальными. Значит, перестрелка ему все-таки не померещилась. Тогда где же беглец? Ушел порталом, бросив груз? На контрабандистов это не похоже. В любом случае неплохо бы выяснить, что тут произошло.

– Эй! – крикнул Алекс, чуть высунувшись из-за валуна, однако тут же пожалел об этом: один из аборигенов без лишних церемоний вскинул ружье и выстрелил. Пуля просвистела на расстоянии ладони от его головы, раздались встревоженные выкрики. Алекс едва успел скрыться за валунами, когда со стороны дороги послышались частые хлопки, и свинец зашлепал по стылому камню, высекая искры. Странно: раньше местные всегда вели себя мирно и не проявляли агрессии по отношению к пограничникам. В том, что крестьяне знали, с кем имеют дело, он ни на минуту не сомневался: камуфляж в этих местах носили только обитатели заставы и контрабандисты, а на последнего Алекс не походил даже издали.

Готир Гольм сжался за валуном, опустившись на корточки и вцепившись в ствол карабина, словно стриптизерша – в свой шест. Сейчас ему не помешало бы что-то более скорострельное, однако перед заступлением в патруль Алекс не стал доверять парню автомат, памятуя случай, когда Гольм из любопытства засунул палец в отверстие на прикладе «калаша», где обычно хранился пенал с инструментами для чистки ствола. Палец потом пришлось извлекать из ловушки при помощи лекаря. Впрочем, сейчас от клондальца было мало проку: впервые в жизни оказавшись под настоящим огнем, он выглядел настолько перепуганным, что готов был, похоже, провалиться сквозь землю прямо на месте.

– Не высовывайся, – крикнул ему Алекс, опускаясь на землю и укладываясь поудобнее меж камней. Обзор из этой позиции был не самым лучшим – мешал торчащий справа от линии огня невысокий утес, – но менять дислокацию сейчас было слишком опасно. Алекс прицелился, на мгновение задержал дыхание и плавно нажал на спуск. Автомат лязгнул, точно связка ключей, упавшая на наковальню, приклад грубо толкнул в плечо, в нос ударил кислый запах пороха. «Калаш» бил кучно, но на дальней дистанции пули слегка уводило на одиннадцать часов – очередь ложилась чуть выше и левее цели. Внесем поправочку…

Снова толчок, короткий треск над ухом, мелькнули в воздухе гильзы, и один из мужичков, дернувшись, осел грузным кулем на землю, а остальные, заголосив, тут же попрятались за невысокими бортами телеги, выставив наружу стволы берданок. Телега – не лучшее укрытие, телега – она деревянная. Снова приникнув к прицелу, Алекс полоснул вдоль левого борта и, дождавшись, пока из-за колеса выпадет, беспомощно всплеснув руками, фигура в буром армяке, всадил пару очередей в противоположный борт. Автомат послушно плюнул голубоватым дымком и, лязгнув затвором, затих. С той стороны снова громыхнуло, пуля шлепнула о камень, выстрел отозвался в горах далеким эхом.

Отсоединив магазин, Алекс зашарил в подсумке, где лежал запасной рожок. Куртка основательно намокла, насквозь пропитавшись жидкой грязью вперемешку со снегом, но запах горячего оружейного масла и пороха будоражил кровь, заставляя сердце биться чаще. Вставив магазин, Алекс взвел затвор и снова приник щекой к студеному металлу, выцеливая врага. Вот один из оставшихся в живых мужиков осторожно выглянул из-за борта своей повозки, снова скрылся за струганой доской, а потом, пригнувшись, засеменил вперед, намереваясь взять напуганную лошадь под уздцы. Алекс отчетливо видел его остроконечную шапку сквозь прицел. Громоздившийся посреди телеги чертов рюкзак мешал накрыть врага одним выстрелом, не зацепив при этом лошадь, да и кто его знает, что хранится в том рюкзаке… Секунда. Другая. Мужичок, видимо, решил, что опасность уже миновала, подал рукой сигнал своему напарнику, что-то сказал ему, и тут Алекс снова нажал на спуск. Грохнула очередь.

– Пошли, – бросил он Гольму, поднимаясь на ноги и отряхиваясь, – штаны поменять не забудь, герой хренов.

Перешагнув через лежащего на земле аборигена, Алекс склонился над другим распростертым поблизости телом. Так и есть, типичная деревенщина из клондальских пейзан, один уже в возрасте, спутанные и давно не мытые волосы украшает седина. Трое других – помоложе, а в телеге и вовсе покоится мужичок средних лет, как и все местные крестьяне, слегка небритый, низкорослый и коренастый. Интересно, за каким бесом их понесло на эту горную тропу? Ответ на этот вопрос громоздился бесформенной брезентовой кучей посреди телеги. Завершив осмотр тел, Алекс принялся расстегивать замерзшими пальцами ремешок рюкзака.

Лекарства. Полный мешок медицинских препаратов всех видов и сортов в таблетках и ампулах. Анальгин, аспирин, парацетамол. Вот это, кажется, антибиотик, а это – средство от поноса. Димедрол, супрастин вроде от аллергии. А нитроксолин – от почек. Пятеро клондальцев погибли в перестрелке, пытаясь завладеть набитым земными медикаментами рюкзаком – по местным меркам это и вправду можно считать настоящим богатством. Только вот стоит ли такое богатство жизни?

– Алекс! – крикнул Гольм, зачем-то топтавшийся на вершине холма. – Сюда, быстрее!

– Меня зовут Олександр, – проворчал тот вполголоса, но так, чтобы напарник услышал, – через «О».

Закинув «калаш» за спину, он прикрыл брезентовый клапан рюкзака и поспешил вверх по склону.

Одного взгляда оказалось достаточно, чтобы понять, что дела плохи. Хмель лежал на боку, стиснув зубы, поджав колени к груди и зажимая ладонью плечо, из которого струилась кровь, уже основательно залившая рукав до самого локтя. Вторая дыра виднелась в бедре, но эта пуля, похоже, не задела крупных сосудов. А вот Эльбар выглядел совсем паршиво. Беспризорный парнишка из Гранца, которого полтора года назад привел на заставу Дед, был не просто бледен, а бел, точно пятна снега на бурой земле. Каждый вдох давался ему с огромным трудом, а на выдохе из тощей груди вырывалось свистящее бульканье, похожее на бурление кипящей воды в железной кастрюле. Дышал он часто, поверхностно, животом. Из-под светлой челки на Алекса смотрели огромные зеленые глаза, глубокие, словно омут, напуганные, просящие.

Опустившись на одно колено, он разорвал на груди паренька рубашку. Пузырящаяся рана обнаружилась под левым ребром, некрасивая, неопрятная. Пули у местных – в оболочке из мягкой меди, да с медным же пояском, – при попадании тут же деформировались, сокрушая кости и внутренности. Жестокое оружие. Грязное. Алекс поднял голову, поймал встревоженный взгляд Хмеля, медленно покачал головой.

– Легкое, – сказал он.

Словно в подтверждение его слов парнишка закашлялся, захлебываясь густой розовой пеной, снова попытался вдохнуть, но не смог, захрипел. Сейчас бы сюда вертолет с врачебной бригадой, кислород да реанимацию или что там в таких случаях положено. Но нет в Центруме вертолетов, нет и врачей с волшебным чемоданчиком. Ни хрена тут, по большому счету, нет. Даже мешок с таблетками, что лежит сейчас в телеге, – и тот не поможет. Ничего не поможет.

– Отвернись, – попросил Хмеля Алекс.

Неудобный на «калаше» переводчик огня, пятка на тугом селекторе маленькая, палец порой соскальзывает, когда пытаешься переключить режим на одиночные.

– Эй, ты чего? – выпучил глаза Гольм, бросился вперед, повис всем своим весом на автомате, вцепившись ладонями в ствол. – Ты же его убьешь!

– И тебя убью, сука, – мрачно пообещал Алекс, – отвали.

Эльбар всхлипнул как-то совсем по-детски и затих. Огромные глаза по-прежнему смотрели в укутанное низкими тучами небо, но смотрели уже иначе, откуда-то издалека, словно сквозь толщу прозрачной родниковой воды.

– Умер, – констатировал Гольм и звонко шмыгнул носом.

– Возьми бинт в подсумке, перетяни Петру руку, – скомандовал Алекс. – Чего застыл?

– Н-не могу, – мотнул головой клондалец. – Я крови боюсь.

Хмель откинул рыжую голову назад и беззвучно захохотал, но тут же скорчился от боли. Матюгнувшись, Алекс полез в собственный поясной мешок, пошарил там, вытащил медпакет, рванул зубами тонкую ткань.

– Он неожиданно на нас вышел, – принялся рассказывать Хмель, и Алекс отметил, что тот на время перестал заикаться после пережитого стресса. – Я из-за скалы вылез, велел ему остановиться и показать татуировку. А тот с ходу палить начал, я даже опомниться не успел. Вот, зацепило маленько. Он, скотина,

меня как в тире расстреливал.

– А эти? – Алекс кивнул в сторону по-прежнему стоявшей неподалеку телеги.

– Позже приехали. Стрелок за валунами залег, лупил короткими очередями. Когда телега появилась, Эльбар им навстречу выглянул, хотел предупредить, чтобы на рожон не лезли. А те тут же огонь открыли. Парень первую пулю и словил.

– Местные решили отбить у пограничников контрабандиста? – недоверчиво хмыкнул Алекс. – Никогда раньше такого не было.

– Вот и я говорю… Ай!

– Терпи. – Он потуже затянул на рукаве Хмеля узел. – Кровотечение сильное. Башка не кружится?

– Маленько…

– А сам-то «контрабас» куда делся?

– Свалил, – поморщился Хмель. – Патроны кончились, он открыл портал и дал деру. Груз тут бросил.

– Понятно, – резюмировал Алекс, хотя, конечно, в сложившейся ситуации ему было непонятно очень и очень многое. – Готир, хватай Эльбара под руки и помогай тащить в телегу.

Гольм молча подчинился, дождавшись, пока Алекс ухватится за торчащие из коротких штанин тощие лодыжки. Щуплое и худое тело паренька почему-то показалось ему неимоверно тяжелым.

* * *

Доктор, спешным порядком доставленный из Антарии, был хмур и мрачен:

– Рану я обработал, но больного нужно немедленно переместить в стационар. Травма опасная, он может потерять руку.

– В столице есть врачи, которые в состоянии помочь? – поинтересовался Ударник, внимательно наблюдавший за манипуляциями лекаря со стороны.

– Не советовал бы я вам сейчас соваться в столицу, ребята… – Эскулап тряхнул седой челкой и принялся собирать инструменты в объемистый кожаный саквояж. – Неспокойно там. И опасно, особенно для иномирцев. Люди всякое говорят…

– Например? – Калька сидела на тахте, поджав ноги, и задумчиво чесала за ухом огромного кудлатого пса по кличке Дивный, положившего слюнявую морду ей на колени.

– Например, о том, что уроженцам чужих миров в Клондале не место, – обернулся лекарь к девушке. – О том, что пограничники жируют на торговых пошлинах, отбирая доход у коренных жителей Центрума. О том, что землян давно пора поставить на место.

– Удивительно, – хмыкнул Ударник, – значит, сотню лет мы прекрасно уживались бок о бок и теперь вдруг стали врагами? С чего бы это? Ваш гонорар, док.

Он отсчитал из толстой пачки несколько желтоватых ассигнаций клондальского государственного казначейства и протянул эскулапу. Тот благосклонно принял подношение, важно кивнул и убрал купюры в карман жилета.

– Благодарю, молодой человек. Еще ходят слухи, будто близится война с Сурганом. Они претендуют на земли в южном Клондале, где проживает множество их соплеменников. С учетом недавних событий в Аламее это вполне может быть правдой.

– Да ясно же, что кто-то специально воду мутит! – воскликнула Калька. – Не может это все происходить просто так.

Иван, которого коллеги-пограничники по старой привычке продолжали называть Ударником, прекрасно понимал, о чем говорит доктор. Пару месяцев назад

Сурган при поддержке дружественной Онелли напал на соседнюю Аламею, вызвав нешуточный переполох в высшем руководстве всех прочих континуумов Центрума. Первое время сурганские войска долго и беспомощно топтались возле Ахтыбаха, но вскоре все же захватили столицу и теперь уверенно продвигались в глубь вражеской территории. Не нужно быть экспертом в геополитике, чтобы понимать: на этом воинственный Сурган не остановится.

За окнами темнело, и доктор, вежливо распрощавшись, отправился восвояси, оседлав гнедую лошаденку, что терпеливо дожидалась своего хозяина возле крыльца.

– Как сказал бы Старик, в первую очередь нужно искать, кому это выгодно, – подал голос скромно помалкивавший до этого Готир Гольм.

При упоминании Старика Иван погрустнел еще больше. Бывший начальник заставы, которого все здесь знали под этим незамысловатым прозвищем, собирался на восьмом десятке лет забросить суетную пограничную службу и отправиться в Мюнхен к дочери и любимым внукам. Не собрался. Дочь позвонила Ударнику сама, оставив короткое сообщение на домашнем автоответчике, которое тот прослушал, когда в очередной раз ненадолго наведался из Центрума в Москву. Перемотав запись, прослушал послание еще раз, а потом, не переодеваясь, рванул по давно знакомому адресу в Большой Гнездниковский переулок. Дочь – высокая худощавая женщина лет сорока, в чертах лица и мимике которой угадывалось что-то давно и до боли знакомое, бобриковское, – любезно согласилась составить Ивану компанию.

Шел дождь, рисуя круги в лужах на асфальте, где-то среди обрамлявших аллею кустов шиповника звонко чирикали воробьи. Свежая могила, засыпанная горой мокрого желтого песка и прикрытая еловым лапником, располагалась почти у самой дорожки, на границе участка. С черно-белой фотографии в простой деревянной раме насмешливо щурился он – профессиональный токарь, командир и начальник шестнадцатой пограничной заставы Клондала, верный друг, наставник и надежный соратник. Старик. Александр Валерьевич Бобриков. «Сердце», – коротко пояснила женщина.

– Ладно, предлагаю не тянуть попусту время. Нужно переправлять Хмеля на землю, – подвел итог дискуссии Ударник.

– А я предлагаю расстрелять его на хрен, – вставил свое веское слово Алекс и, спокойно выдержав направленные в его сторону удивленные взгляды, продолжил: – Подвел потерей заставу. В нарушение устава пограничной службы оставил неопытного пацана без прикрытия, когда тот полез под пули. Упустил контрабандиста, первым открывшего огонь на поражение. Вполне достаточно, чтобы отнести гражданина Петра Петровича Хмеля за баню и доделать то, что не доделал тот парень с набитым таблетками рюкзаком.

– Слушай, Алекс, – вкрадчиво произнесла Калька, глядя на него с недобрым прищуром, – ты ведь в армии служил? Скажи-ка мне, какое у тебя там было погоняло?

– Меня зовут Олександр. Через «О», – меланхолично поправил тот. – А в армейке все называли меня Поганый.

– Вполне соответствует, – фыркнула девушка и повернулась к Ивану. – Ударник, если не возражаешь, я сама Хмеля домой переправлю и позабочусь там о нем. Поможешь?

– Конечно.

Начальник заставы шагнул ко входу в гостиную, где на импровизированных носилках лежал в полузабытьи раненый Хмель. Гольм подхватил боевого товарища с другой стороны.

– Советую по прибытии Ведьме позвонить, – сказал Алекс, – она хоть и на пенсии, но кое-какие связи, надо думать, у нее остались.

– Без твоих советов обойдемся, – огрызнулась Калька.

– Ну, как знаешь, – пожал плечами Алекс. – Хотя я бы на твоем месте слушал иногда, что умные люди говорят. У самой-то мозгов нету. Дурой родилась, дурой и помрешь, хотя тебе вроде бы и так неплохо: жопа есть – ума не надо. Давай катись куда собралась, чего глаза вылупила, овца тупая?

Между Алексом и Калькой точно посередине комнаты с треском открылся портал: на расстоянии ладони от пола крутилось большое радужное пятно около

полутора метров в диаметре. Калька подхватила под мышки бесчувственного Хмеля, которого как раз подтащили поближе Иван с Гольмом, и бесследно растворилась в разноцветном мареве. Портал сжался в сияющую точку и исчез.

– Ловко у тебя получается, – похвалил его Гольм, – почему-то, когда я ее ругать начинаю, у нее не выходит проход открыть. Мы много раз пробовали.

– Это потому что я искренне, – доверительно сообщил ему Алекс. – Хочешь и тебя обложу от чистого сердца, глядишь, тоже порталы открывать научишься?

– Уроженцы Центрума не могут открывать порталы, – с явным сожалением покачал головой Гольм, – я думал, ты в курсе.

– Ага. А еще я в курсе, что с чувством юмора у вас тоже очень хреново.

– Не нравится мне все это, – произнес с мрачными интонациями Ударник и устало потер ладонью переносицу, – понять бы, что за чертовщина творится. Готир, тебе дядюшка в последнее время ни о чем интересном не рассказывал? Не говорил, что обо всем этом думают в Министерстве иных миров? Может, слухи какие-нибудь?

– Нет… – растерянно пожал плечами парень. – Не припоминаю.

– Тогда нужно ехать в Антарию. Навестить столичный Штаб и заодно проведать советника Гольма. Мы с Готиром отправимся туда утром, а ты, Алекс, останешься тут за главного.

– Меня зовут…

– Олександр. Через «О». Я помню. – Ударник на мгновение замер, прислушался. – Сделай милость, глянь, что там на улице творится. Заодно Деда сюда приведи, простудится.

Снаружи и вправду доносился какой-то встревоженный гомон и неразборчивые выкрики.

Рома Дедюлин, шестнадцатилетний парнишка, которого по созвучию с фамилией пограничники называли Дедом, как и ожидалось, обнаружился во дворе – он сидел прямо на сырой от растаявшего снега земле, привалившись спиной к срубу бани и обхватив колени руками. Невидящий взгляд Деда был устремлен в пространство, но со стороны казалось, будто он смотрит куда-то в глубь самого себя.

– Не спи, замерзнешь, – хлопнул его по спине Алекс, но тот недовольно дернул плечом, стряхивая руку. – Эльбар, да?

– Да. – Дед, похоже, не был расположен к беседе. Алекс опустился рядом на корточки, пошарил по карманам, но запоздало вспомнил, что бросил курить вот уже три с лишним месяца назад – табак в Центруме относился к разряду роскоши и доставлялся сюда с перебоями, а потому старая привычка не только вредила здоровью, но и стала доставлять кучу ненужных проблем.

– Давно его знаешь? – Алекс оторвал попавшую под руку травинку, торчавшую из-под нижнего венца сруба, и сунул ее в рот.

– Два года почти. В Гранце познакомились. Он сирота, как и я. Не вступил бы в пограничную стражу – пропал бы.

– Отличный парень, – кивнул Алекс, – толковый, и службу знал крепко… Мне тоже доводилось терять друзей, Рома. Не раз. И знаешь, что я тебе скажу?

Дед поднял на него вопросительный взгляд.

– Да ничего не скажу, – криво усмехнулся тот одной половиной рта. – Потому что ни хрена тут не скажешь. Горько это и больно. И почти всегда это происходит вот так, по-глупому. Кажется, будто что-то можно было изменить, переиграть по-другому, что-то сделать. Но ничего уже не поменяешь. Жизнь – она такая, Рома.

– Жестокая?

– Дерьмовая. Что там за кипеш, кстати?

Доносившиеся из-за забора звуки стали громче, среди них уже можно было различить отдельные голоса, кричавшие нечто неразборчивое по-клондальски. Кто-то принялся неистово стучать ногами в ворота, деревянные створки заскрипели, раскачиваясь в железных петлях, но выдержали.

– Местные за своими родственниками явились. – Дед кивнул в сторону притулившейся возле ограды телеги, где по-прежнему лежали тела, прикрытые от посторонних глаз старой дерюгой. – Требуют отдать им трупы.

– А мы чего?

– Ударник велел не выдавать, пока акты и протоколы не составим. Копии нужно будет окружным властям отправить, а то по судам потом затаскают и компенсации выплатить потребуют. Без бумаг не докажем, что они первые стрелять начали.

– Понятно. Иди в дом, застудишь себе чего-нибудь.

С этими словами Алекс поднялся, пошевелил коленями, чтобы размять затекшие ноги, приставил к бане лежавшую без дела на земле стремянку и полез на крышу, стараясь не слишком высовываться из-за высокого фигурного конька.

Представшая его глазам картина вызывала тревогу. На пустыре возле ограды, окружавшей по периметру шестнадцатую заставу, собралась толпа крестьян, человек до полусотни. Немногие из них были вооружены короткими гладкоствольными ружьями, но чаще среди прячущихся в окончательно сгустившихся сумерках фигур мелькали более традиционные для пейзан вилы. Толпа гудела, точно растревоженный улей, дрожал в темноте алый свет множества факелов. Судя по раздававшимся из-за забора недовольным выкрикам, люди были изрядно на взводе, и с каждой минутой напряжение нарастало, буквально пропитывая наэлектризованный воздух. Алекс спрыгнул со стремянки, чертыхнулся, всадив себе занозу в ладонь, сбросил лестницу на землю и поспешил обратно в здание заставы, окна которой теплились мягким желтоватым светом.

– Там родственники наших покойничков пожаловали, – с порога сообщил он, – человек пятьдесят-шестьдесят. Вооружены. Если начнем стрелять, будет побоище.

– Может, пугануть их? – робко предложил Гольм. Голос его дрожал, парень явно нервничал. – Пальнуть над головами разок-другой, авось сами разбегутся.

– Только разозлим, – покачал головой Ударник. – Дед, запри дверь, попробуем вести переговоры, не высовываясь из дому. Алекс…

– Называй меня лучше прозвищем, – оборвал тот командира, – раз за два года имени так и не запомнил.

– Хорошо. Поганый обороняет второй этаж. Первым огонь не открывай, но если кто полезет через ограду и начнет пальбу, придется ответить. Мы с Гольмом держим цоколь.

– А я? – спросил Ромка.

– А ты подноси патроны и держись подальше от окон. Хватит того, что сегодня уже одного парня потеряли. Черт, как не вовремя Мольс и Фарган рапорта написали…

Двое пограничников из местных и вправду запросились во внеочередной отпуск два дня назад, получив сообщение от родственников о том, что в их родном поселке что-то стряслось. В целом этот демарш вполне укладывался в общую тревожную картину. Калька с раненым Хмелем – на Земле, Эльбар мертв, Ведьма вот уже полгода в Москве внукам носки вяжет и на заставе практически не показывается. Отобьются ли они в четыре ствола, начнись сейчас заварушка? Ох, сомнительно…

Подхватив автомат, Алекс взбежал по крутой лестнице на второй этаж, распахнул настежь окно, впустив в комнату стылый ночной ветер. Рамы он предусмотрительно закрепил, просунув подготовленную для этой цели веревочную петлю в ручки фрамуги, чтобы сквозняк случайно не закрыл оконце: начнут стрелять – порежешься битым стеклом. Внизу тоже раздался дребезг отворяемой оконной рамы, Ударник высунул наружу палку с привязанной к ней белой тряпкой – похоже, остатками бинтов, которыми доктор пользовал раненого Хмеля, и замахал этим импровизированным полотнищем.

Но переговоров не получилось. Из-за забора хлопнул выстрел, а потом в фасад ударило несколько крупных булыжников, выпущенных, судя по всему, из пращи. Над забором показалась чья-то нечесаная башка, и Алекс пальнул одиночным, целясь поверх косматой шевелюры. Башка, выпучив от страха глаза, убралась восвояси. В ту же минуту камни забарабанили в стену подобно граду, а ворота затряслись от частых ударов – похоже, за них взялись всерьез. Зазвучали подбадривающие возгласы. Мелькнула серая тень: пес выпрыгнул наружу через распахнутое окно и заметался по двору, захлебываясь оглушительным лаем.

– Дивный! – послышался Ромкин крик. – Назад! Ко мне!

Но собака не слышала его, продолжая вертеться возле ворот с грозным рычанием. Глухо звякнуло разбитое стекло, ночь озарилась желтой вспышкой, огонь лениво лизнул камни восточной стены заставы, не желая гаснуть. Второй пылающий мячик, перелетев через забор, дзынькнул о крышу деревянной бани, и та весело занялась, языки пламени заплясали между сухими бревнами сруба. Черт его знает, что за маслянистую жидкость налили крестьяне в стеклянные емкости, но горело не хуже классической земной смеси из бензина с загустителем.

– Твою ж мать, – выругался сквозь зубы Алекс, – вконец оборзели.

Раз уж в ход пошли бутылки с зажигательной смесью, дела обстоят не плохо, а очень плохо. Стены заставы сложены из столетнего камня, они выдержат, а вот крыша и перекрытия – деревянные. Если пейзане добросят очередной коктейль Молотова выше второго этажа, можно сушить весла.

Мир сузился до небольшого открытого пространства возле ворот: пылающая баня озаряла ночь ярким желтым светом, отбрасывала на землю пляшущие, точно черти вокруг адских печей, тени, а все вокруг потонуло в чернильной мгле. Снова в стену ударило несколько камней, из-за забора хлопнул одинокий выстрел, с первого этажа ему ответила короткая, явно пристрелочная очередь. Над пущенными поверх ограды кольцами «егозы» опять показалась чья-то голова, и Алекс спугнул незваного гостя, пальнув в темноту. В этот момент ворота все-таки поддались натиску атакующих – правая створка со скрипом повисла на одной петле, левая и вовсе грохнулась наземь. Послышались громкие радостные вопли, и толпа ринулась в открывшуюся брешь. Верный своему долгу пес метнулся навстречу разгоряченным людям, кто-то душераздирающе крикнул, вопли боли смешались с грозным рычанием, а потом ушей Алекса

достиг короткий, оборвавшийся на высокой ноте собачий визг.

– Дивный! – вновь в отчаянье позвал Ромка.

Бессвязные крики и ругань были ему ответом.

– Да и пошли вы все… – процедил сквозь зубы Алекс, лязгнул затвором и выпустил навстречу мечущимся теням половину автоматного рожка. Толпа дрогнула, отхлынула во мрак, оставив на земле несколько скрюченных неподвижных фигур. Один из нападающих упал на колено, вскинул ружье и нажал на спуск – пуля просвистела прямо над головой Алекса, однако стрелок тут же повалился навзничь, срезанный прицельной очередью с первого этажа. Алекс рефлекторно пригнулся, и этих нескольких секунд хватило, чтобы другой человек, подобравшись поближе, с силой метнул что-то темное, целясь в его окно. Замелькал, крутясь в воздухе, крошечный светлячок подожженного фитиля. Бутылка, угодив в оконный проем, с оглушительным звоном лопнула, растекаясь по полу огненной лужей.

– Черт! – выругался Алекс, вскинул автомат, но тот лишь предательски звякнул, слабо дрогнув в руке. Алекс зашарил в районе пояса и выругался снова: подсумок с запасным магазином он оставил в суматохе внизу.

Пламя меж тем разгоралось все сильнее: весело потрескивая, занялся старый книжный шкаф, в котором годами складировались таможенные ведомости, огонь лизнул заваленный бумагами письменный стол и принялся с аппетитом поглощать сухую древесину. Едкий дым начал щипать глаза, все вокруг заволокло сизой вонючей гарью. Еще минута – и путь к отступлению будет отрезан.

– Уходим! – выкрикнул Алекс, скатываясь по лестнице вниз. – Быстрее!

Дым уже просочился на первый этаж, сквозь щели в дощатом потолке посыпались искры.

– Погоди, документы… – начал было Ударник, но Алекс схватил его за рукав.

– Некогда! Сгорим же на хрен!

Перезарядив автомат, он выпустил короткую очередь через окно в сторону ворот, наугад, даже не целясь.

– Наружу, быстро, и назад, к сараю! Бегом, мать вашу!

Первым приказа послушался Дед, сиганул в открытое окно и скрылся в темноте, вторым в проем выпрыгнул Гольм. Опустившись на колено, Алекс перехватил автомат поудобнее и выстрелил несколько раз в ночь, отпугивая непрошеных гостей, вновь показавшихся в провале бывших ворот.

– Ударник!

Иван, секунду помедлив, последовал за своими товарищами, Алекс выскочил в окно последним и, пригибаясь, побежал вдоль фасада. Примыкавший к бане дровяной сарай уже дымился, а сама баня полыхала вовсю. Стремянка лежала на своем прежнем месте, но добраться до нее оказалось задачей непростой: от пылающего сруба исходил чудовищный жар, не позволявший подойти к пожарищу ближе пяти шагов. Алекс глубоко вдохнул, зажмурился и метнулся вперед, почувствовав, как его окатило волной раскаленного воздуха, точно из печи, а брови и ресницы мгновенно обгорели. Нащупав стремянку, он изо всех сил дернул ее на себя, поволок, вытаскивая из потрескивающего и шипящего ада. Приподнял и уложил лестницу на забор поверх растянутой над оградой «колючки».

– За мной! – скомандовал он.

Первым взбежав по ступеням, он спрыгнул вниз, чуть ли не на голову вооруженному вилами мужику, ошивавшемуся возле забора, – по всей видимости, пейзане не додумались выставить вокруг заставы нормальное охранение, отправив в дозор лишь одного человека. Тот и вовсе не ожидал, что на него прямо с неба свалится перемазанный сажей и вооруженный автоматом тип, а потому замер на месте с отвисшей от ужаса челюстью.

– Барук казад! – выпучив глаза, заорал Алекс, закрепляя произведенный эффект, и что было силы двинул крестьянина прикладом прямо в отвисшую челюсть. Хрустнуло, и мужичок, закатив глаза, грузно осел наземь.

– Дёру! – выкрикнул Алекс приземлившимся рядом спутникам и, не оглядываясь, пустился наутек. Наполненные дымом пожара легкие с трудом фильтровали воздух, дыхание то и дело сбивалось на сиплый свист, а в боку предательски закололо. Отбежав, как ему показалось, на достаточное расстояние, он остановился, согнулся, уперев ладони в колени, и попытался перевести дух. Пот лил с него ручьем, изо рта вырывался студеный пар. Рядом замер, тяжело дыша, Ударник, а спустя минуту подоспели Дед с Гольмом. Алекс поднял глаза. Горизонт озарялся дрожащим янтарно-алым заревом, в черное небо вздымались языки пламени, пытаясь лизнуть близкие звезды. Раздался оглушительный треск, и крыша заставы, поднимая ввысь фейерверк из ярких снопов искр, медленно и величественно рухнула внутрь каменной коробки.

– Чернь взбунтовалась и жжет барские усадьбы, – отерев рукавом лоб, прокомментировал происходящее Алекс.

– Не смешно, – мрачно откликнулся Ударник, в глазах которого плясали злые красные огоньки. – Я на этой заставе, можно сказать, полжизни провел. Она Старика пережила, штурм горцев выдержала… А теперь вот сгорела. Вся. Дотла.

– Чего теперь делать-то будем? – спросил Ромка растерянно, совсем по-детски. – Куда мы теперь?

– В местный Штаб пограничной стражи, в Антарию, – ответил ему Иван. – Там свяжемся с центром в Марине, запросим помощь. Первый поезд на столицу будет в шесть тридцать утра. Успеем.

Глава 2

Паровозный гудок сипло и натужно всколыхнул воздух, перекрикивая стук колес. Сквозь приоткрытую дверь грузового вагона с улицы вползла влажная утренняя прохлада, замешенная на запахе дыма из топки.

Ударник подобрался к двери, выглянул в щель. Сквозь голые деревья мелькали огороды и серые домики пригородов Антарии.

– Подъезжаем, – пробормотал он.

В темном углу вагона зашуршал соломой Дед.

– Э-эх… – горестно вздохнул он. – Какого рожна вообще залезли в этот скотовоз? У меня солома уже из трусов сыплется. И холодно. Нельзя было нормального поезда дождаться?

– Разговорчики, – буркнул Ударник. – Ты скажи спасибо, что не пришлось на станции лишний час светиться. А то собрал бы вокруг себя еще одну толпу с вилами – тогда в трусах точно не солома бы оказалась…

В памяти тут же всплыла картина последних часов. Вспомнилось, как разбудили начальника станции в его собственном доме, как потребовали остановить любой ближайший поезд, как многозначительно поглаживали ствольные коробки автоматов.

Нехорошо получилось. Но хуже всего – взгляд этого самого начальника. Ни капли страха, ни единого признака уважения или подобострастия перед вооруженными людьми. Просто тихо, молча подчинился силе.

«Да, ребята, мир меняется, – мелькнула мысль. – И точно не в нашу пользу».

– Я предлагаю пораньше соскочить, – проговорил Алекс сквозь зевок.

– Это зачем?

– Не знаю… тревожно как-то. Нам бы по-тихому пройти. А будь моя воля, я б вообще в этот Штаб не поперся. Что нам там делать – виноватые глаза строить?

– В первую очередь рапорта писать, – отозвался Ударник. – Пока другие нас не опередили.

– Бумажки… кому они теперь нужны?

– Не скажи. Иная бумажка твой зад прикроет лучше, чем титановый бронежилет.

– А я бы тоже лучше отсиделся где-нибудь, – включился в разговор Гольм. – Поселился бы в тихом месте на перевале, да и доил помаленьку «контрабасов». Тишина, природа, горный воздух… Красота!

– Заканчиваем треп! – рассердился Ударник. Подумав с минуту, добавил: – Алекс, наверное, прав. Что-то и меня самого людные места перестали радовать. Сойдем, не дожидаясь вокзала.

– А… – попытался возразить Гольм, но Ударник его быстро прервал.

– Ничего, лишний километр пройдешь – не развалишься!

На окраинах поезд предсказуемо сбавил ход. Ударник распахнул дверь и, дождавшись ровного места, прыгнул первым. Вслед за ним по пологому, чуть присыпанному снежком откосу покатились остальные.

С трудом поднявшись на ноги, Иван оглядел крутой склон железнодорожной насыпи, поморщился, глядя на ободранную почти до самого локтя руку – острый щебень стесал кожу словно терка, длинными красными полосами, однако крови почти не было. Следом зашевелился Дед, встал на карачки, охнул. Хуже всего пришлось Гольму – тот, похоже, при падении ушиб колено и теперь тихо постанывал, пытаясь принять вертикальное положение. Без видимых потерь обошелся разве что Алекс: посвистывая, он как ни в чем не бывало шел вдоль стального полотна, будто выбрался на воскресную прогулку. Нагнулся, подобрал потерянную клондальцем винтовку, повесил на плечо рядом с собственным «калашом».

– Прыгать с поезда нужно мордой по ходу движения, – сообщил он. – Зубы при этом хорошо бы сжать, иначе язык себе откусишь.

– Чего сразу не предупредил? – злобно бросил Ударник, прикрывая рукавом свежие ссадины.

– Да хотел посмотреть, как ты себе шею свернешь, – охотно откликнулся тот. – Пошли, пока обходчики не явились. Нечего тут торчать.

Они почти сразу углубились в лабиринт из ветхих заборов, полузаброшенных складов, мастерских, заросших пустырей и воняющих болотом канав.

Места были пустынные и тихие. Лишь изредка откуда-то доносился голос или стук какого-то инструмента. Однако вскоре повстречали и первого аборигена – угрюмого старика, который толкал тележку с разносортным хламом. Он лишь беспокойно заморгал при виде пограничников и отвернул куда-то в сторону.

Очередной пустырь закончился, упершись в насыпь ровного дорожного полотна, широко огибающего огороженные рыбные пруды и уводящего к жилым кварталам. Отсюда уже можно было рассмотреть шпили и башенки многоэтажек центральных районов.

– Дорогая моя столица…, – еле слышно пропел под нос Дед.

– Может, еще станцуешь? – хмуро отозвался Алекс.

– Ну, если ты приглашаешь на белый танец…

Под ногами звонко захрустел дорожный гравий. Пустынная промзона закончилась, сменившись миром одноэтажных окраин. По бокам дороги появились небольшие, но крепкие домики, кованые заборчики, флюгеры, висячие клумбы, резные столбики. Чувствовался дух старой доброй Антарии – уютной, хотя и суетливой столицы Клондала.

Редкие прохожие не обращали на пограничников никакого внимания. Или же делали вид, что не обращают. Гольм вдруг с шумом втянул воздух, принюхиваясь к ароматам чьей-то кухни.

– Кстати, есть предложение, – изрек он, – найти ближайший кабак и подкрепиться. Я бы заточил пару ломтей мяса. А если еще и кружечку глинтвейна сверху…

– Удивительное ты существо, Гольм, – покачал головой Ударник.

– Чего?

– Да ничего… мы тут из мясорубки еле вырвались, не знаем, что с нами через час будет, сердце екает… а тебе все нипочем. Только бы брюхо набить.

– Я с пустым брюхом вообще ни о чем думать не могу. Всякое ответственное дело требует хорошего здорового питания…

– Эй, застава! – раздался вдруг громкий окрик откуда-то сзади.

Шедший последним Дед быстро обернулся.

– Вот ведь черт… – обронил он.

Группу нагонял вооруженный автоматом всадник, за ним неловко семенили еще трое каких-то странных типов в мешковатой коричневой униформе, с простыми пехотными винтовками наперевес.

– Не дергаться! – сразу приказал Ударник.

– Кто это такие? – нервозно пробормотал Алекс.

– Офицер на лошади вроде наш, дивизионный… а эти клоуны – не пойму… – Разглядев у всадника нарукавную повязку, он добавил: – Похоже, комендатура. Да, рожа знакомая.

– И чё?

– И ничё. Стойте тихо, как паиньки. Я попробую разрулить.

Ударник сунул Алексу свой автомат и решительно зашагал навстречу всаднику. Правая рука потянулась к карману с бумагами.

– Да не доставай, узнал! – со смехом махнул рукой офицер. – Вы откуда тут взялись?

– Мы-то?.. Ну, так… с поезда идем.

– С поезда? – удивился офицер. – И куда?

– Да в Штаб.

– Ну, вы даете… заблудились, что ли? – Он потянул поводья, не позволяя лошади позавтракать чахлыми зимними цветами из чужой клумбы. – Я вообще-то спросить хотел. Что у вас там, в полях, творится? Тут говорят, уже какие-то танки видели.

– Танков пока не было, – развел руками Ударник. – Но бардак помаленьку обретает зримые черты. Если интересно, нам местные ночью заставу спалили…

– Ничего себе! А вы что?

– А мы – к любимому начальству, за добрыми советами и инструкциями. Сам понимаешь, опыта по подавлению крестьянских бунтов у нас пока нет. Что делать, не знаем.

– Ну, здесь тоже какой-то бардак назревает. Который день полковники с выпученными глазами по городу носятся. А что происходит, никто толком сказать не может. Кстати, зря вы с оружием в город претесь.

– А что такое?

– Да знаешь… настроения какие-то поганые бродят. Стали косо на вашего брата поглядывать. Особенно беднота всякая. Говорят, из-за вас цены ломовые держатся и прочее всякое…

– Ну, это знакомо. А оружие тут при чем?

– Да лучше бы сдали свои «калаши» на хранение коменданту на вокзале. А пистолеты бы оставили. Просто чтоб гусей не дразнить.

Ударник искоса посмотрел на спутников офицера, которые нерешительно мялись в стороне, тиская свои винтовки.

– Ну, спасибо за сигнал, – проговорил он. – Будем знать. А вас-то за каким лешим сюда выгнали?

– Да черт его знает! – фыркнул офицер. – Наше дело простое: встали на маршрут и гуляем. Кого ищем, сами не в курсе. Говорю же, бардак. Кому подчиняемся, и то толком непонятно. От Штаба с неделю никаких предписаний не было, зато приезжают то и дело какие-то мутные личности. Говорят, из объединенного командования. Еще вот этих гавриков прикрепили…

– Кстати, кто такие?

– Да никто. Новобранцы из волонтерского полка. Из вербовочного пункта – прямо сюда, без обучения. Теперь еще и за ними надо следить, чтоб не заблудились, не поранились, ружье не потеряли, не расплакались.

– М-да… – усмехнулся Ударник. – Ну, удачи в нелегкой службе. А мы, с твоего позволения, дальше побредем.

– И тебе не хворать, застава. А насчет оружия – подумай.

Массивное, окруженное кряжистыми деревьями здание дивизионного Штаба желтело старой кладкой на другой стороне немноголюдной площади.

– Что-то там тихо совсем, – заметил Ударник. – Ни людей, ни лошадей.

– Может, рано еще? – предположил Дед.

– Не так уж и рано. Ну, двинулись, чего телиться-то?

Полуоткрытые ворота выглядели странно. Еще больше удивила пустующая будка часового в парадном дворике. Алекс первым взбежал по ступеням, схватился за массивные дверные ручки, с усилием подергал.

– Заперто! – промолвил он, растерянно хлопая глазами. – Наглухо!

– А мы адресом не ошиблись? – ухмыльнулся Гольм.

Ударник на эту глупость не ответил. Он с изумлением смотрел под ноги. Еще ни разу он не видел, чтобы мощеная площадка перед входом была хоть сколько-нибудь замусорена. Все драилось до блеска в любые времена и при любой погоде. Теперь же ветер катал по плитке мятые бумажки, окурки, клочки тряпья, фольгу от сухих пайков и прочую дрянь. Это смотрелось здесь столь же безобразно, как язва на лице фотомодели.

– Там сзади черный ход вроде был, – проговорил Ударник. – Сходим посмотрим…

Обойдя здание, они попали во внутренний дворик. Здесь наконец-то обнаружилась живая душа. Какой-то салага в черной телогрейке таскал из ящиков и бросал в костер пачки бумаг. Выглядел он неказисто и мирно, хотя на поясе болталась затертая револьверная кобура.

Увидев нежданных гостей, парень отряхнул руки и сам пошел навстречу.

– Нету никого! – крикнул он, не дожидаясь вопросов. – Съехал Штаб.

– Это как?! – оторопел Ударник, застыв на месте. – Куда, когда?

– Так всю неделю подводы на Западный вокзал гоняли. А там куда – мне не докладывали.

– Так, погоди, погоди, пацанчик, – вышел вперед Алекс. – Вообще все уехали? Может, какой дежурный офицер остался?

– Вчера сидели какие-то, двери стерегли. А под утро последние сейфы вывезли – и все. Нету никого. Заперто.

– А ты сам-то кто? – с подозрением спросил Дед. – Татушку покажи.

– Да я местный, – рассмеялся паренек. – Работал тут при конюшне вестовым. Теперь-то уже точно никто…

Все переглянулись с немым изумлением в глазах.

– И не надо на меня так смотреть, – пробормотал Ударник. – Я и сам ни черта не понимаю. Не было такого никогда, чтобы вот так взять и все в одночасье бросить.

– А может, нас и не бросали? – ухмыльнулся Алекс. – Может, прямо сейчас к нам на заставу прибыл чрезвычайный курьер с пакетом от командования. Стоит такой, таращится на головешки и репу задумчиво чешет…

– Ребята-а-а-а, – жалобно простонал Гольм. – Не хочу, конечно, вас от печальных вздохов отвлекать… Но, может, уже пора бы и пожрать?

– И выпить, – веско добавил Алекс.

Ударник протяжно вздохнул.

– Ладно, пошли.

* * *

Ресторанчик «Кремень и лён» располагался в полуподвале старого доходного дома на Диагональной улице и за минувшие полтора года практически не изменился. По крайней мере так казалось на первый взгляд. Раньше из приветливо распахнутых дверей заведения лилась живая музыка, слышался звон посуды и раздавался веселый смех подвыпивших компаний, теперь же посетителей встречала гнетущая тишина, а возле входа маячил, привалившись к косяку, здоровенный детина, внешность которого не предвещала заглянувшим на огонек гостям ничего хорошего.

– С оружием нельзя, – мрачно пробасил вышибала, перегораживая ногой в грязном сапоге проход. – Сдавайте стволы и тогда проходите.

– Ни фига себе фейс-контроль, – хохотнул Алекс, – а паспорт показать не надо?

– Мы пограничники, – отодвинув спутников плечом, выступил вперед Ударник.

– Да хоть святые небесные братья Первого Кузнеца, – смерив его презрительным взглядом, отозвался охранник, – сказал же, с оружием нельзя. Повторить?

Ромка и Алекс удивленно переглянулись. Бойцы Корпуса пограничной стражи хоть и не обладали привилегиями экстерриториальности, какими располагали те же железнодорожники, но все-таки имели в клондальском обществе определенный вес и пользовались авторитетом. Судя по всему, так было лишь до недавнего времени. Предсказания офицера из дивизионной комендатуры начинали понемногу сбываться: отношение местных жителей к пограничникам явно изменилось, причем оно отнюдь не сделалось благосклоннее. Теперь с ними общались без малейшей толики былого уважения, причем вышибала явно наслаждался произведенным эффектом и растерянным видом визитеров.

– Я хотел бы заметить… – начал было Иван, но громила грубо перебил его:

– Сдавайте стволы или проваливайте. Точка.

– Ударник, дай сюда автомат, – устало вздохнул Алекс. Иван обернулся, удивленный столь непривычной покладистостью своего коллеги, славившегося дурным нравом и готового устроить склоку даже на ровном месте, однако тот лишь покачал головой и протянул руку: – Дай. Сюда. Автомат.

Ударник помедлил, но все же снял с плеча «калаш» и вручил его своему спутнику.

– Теперь вы, – обернулся Алекс к Деду и Гольму.

Клондалец расстался с винтовкой охотно, с явным облегчением, а на губах Ромки зазмеилась едва сдерживаемая ехидная улыбка. Кажется, он начал понимать.

– Дед, и ножик, пожалуйста.

Роман, согнув ногу в колене, приподнял штанину, вытащил из закрепленных на лодыжке ножен десантный нож и протянул его Алексу рукоятью вперед.

– Они безоружны, уважаемый, – обернулся к охраннику Алекс. – Теперь мои друзья могут пройти?

Верзила неохотно убрал ногу с прохода. Ударник, растерянно оглянувшись, ступил в полумрак ресторанчика, сопровождаемый подозрительным взглядом крепыша, следом вошел, чуть прихрамывая, Гольм, а последним внутрь скользнул Дед, сделал несколько быстрых шагов и развернулся по направлению ко входу. Выставив руку, он ловко поймал брошенный Алексом автомат Ударника, собственный ствол и винтовку Гольма, а спустя мгновение исчез вместе со всем арсеналом где-то в глубине зала.

Громила протянул было лапу, чтобы ухватить невозмутимо шагнувшего через порог Алекса за шиворот, но замер, изумленно хлопая глазами: его запястье само собой оказалось вывернуто в крепком захвате, а возле горла сверкнул сталью остро отточенный клинок.

– Дружок, мы все прошли в заведение без огнестрела, как ты и просил, – медовым голосом пропел Алекс, чуть надавливая острием ножа на шевельнувшийся кадык, – насчет холодного оружия уговора не было. А теперь внимательно посмотри мне в глаза и подумай: убью я тебя или нет, если ты сейчас дернешься.

Алекс глядел на него пристально, не мигая, исподлобья. Верзила поднял взор и шумно сглотнул. Понял: убьет.

– Ну, вот и умница, – произнес тот, ослабевая хватку, после чего ласково потрепал вышибалу по небритой щеке. – Бди, пупсик.

Внутри ресторана тоже были заметны резкие изменения: небольшая полукруглая сцена, где раньше выступали музыканты и даже играл на барабанах сам Ударник в первые дни своего пребывания в Центруме, выглядела пустынной и заброшенной, клавесин с опущенной крышкой покрывал толстый слой пыли. Посетителей почти не наблюдалось. Складывалось впечатление, что владельцы заведения давным-давно сменились, и это не пошло ему на пользу.

Ромка занял один из свободных столиков в глубине зала, аккуратно расставив стволы возле стенки, остальные без возражений присоединились к нему. С кухни доносились приятные ароматы жареного мяса и грибной подливки, однако к

ожидающим официанта путникам никто не спешил. Оглянувшись, Иван заметил, как давешний охранник вразвалочку подошел к сверкающей хромом ресторанной стойке, сказал что-то бармену в белом переднике, тот бросил в их сторону быстрый взгляд и молча кивнул. Потянулись долгие минуты ожидания. В конце концов Алекс, потеряв терпение, ухватил за рукав пробегавшего мимо мальчишку с влажной тряпкой в руке и велел тому немедленно позвать официанта. Официант вскоре явился, молча, без всякого приветствия разложил на столе толстую кожаную папку с меню и, отступив на шаг, принялся с безразличным видом разглядывать потолок.

– Я возьму мяса, вареные овощи и салат, – сказал Ударник. – Да, и принесите бутылку красного джавальского.

Гольм заказал печеные клубни цивалы – местного аналога земной картошки – и свой любимый глинтвейн, а Дед решил полакомиться жаренными в масле оладьями в кисло-сладком соусе. Алекс попросил принести пару стейков с зеленью и сыром.

– И еще полштофа водки, – добавил он, – похолоднее.

– «Оннельская слеза»? – уточнил на всякий случай официант.

– Годится.

Официант что-то чиркнул карандашом в блокноте и, подхватив меню, исчез, словно его и не было.

– Что дальше делать будем? – обвел взглядом своих товарищей Иван. – Есть какие-нибудь соображения?

– В Марине ехать надо, – пожал плечами Ромка, – в Центральный Штаб. Только там, пожалуй, знают, что за чертовщина тут творится.

– В Марине, говоришь… – Иван вздохнул и устало потер ладонью лоб. – С одной стороны, разумно. С другой – трудновыполнимо. Из Антарии в Марине только один путь, железной дорогой через Гранц, затем – вдоль границы с Сурганом, по краю Разлома. А с другой стороны там горы. Железка по долине идет, а она

узкая, как бутылочное горлышко. Если Сурган полезет в Клондал, этот путь они перекроют в первую очередь.

– Но ведь пока не полезли же? – робко возразил Гольм. – Или все-таки думаешь, будет война?

Принесли заказанное, официант принялся с гулким стуком расставлять на столе тарелки и салатницы. Алекс, не теряя времени, нацедил себе в узкий высокий бокал водки из запотевшего графина, глотнул, высоко запрокинув голову, прикрыл лицо рукавом, шумно втянув носом воздух, и тут же набулькал следующую порцию.

– Другие способы связаться со Штабом есть? – спросил он, ковырнув ножом дымящееся мясо.

– Если только через Министерство иных миров, – пожал плечами Иван. – Готир, твой дядя сможет встретиться с нами сегодня?

– Не знаю… – протянул клондалец. – После обеда он обычно работает с бумагами, а посетителей принимает только дважды в неделю…

– Думаю, для нас он найдет время, – положил конец его сомнениям Ударник. Что ни говори, советник Гольм был многим обязан пограничникам еще с тех времен, когда заставой заправлял Старик, и, хотя уже частично оплатил свои долги в прошлом, сейчас мог оказаться крайне полезен. – Перекусим и нанесем дружеский визит в министерство.

– То есть ты уже все за нас решил, – размеренно работая челюстями, подытожил Алекс. – Верно?

– Да. Как командир заставы решения здесь принимаю я.

– Слушай, Иван, – не слишком доброжелательным тоном произнес Алекс и опрокинул в рот очередную стопку водки, кажется, уже третью или четвертую по счету, – скажи-ка мне, за какие такие заслуги тебя в начальники заставы выбрали?

– Не понял? – откинувшись на спинку стула, переспросил Ударник и пристально посмотрел на своего соратника.

– А я тебе объясню. Начальник, кем бы он ни был, это не просто наделенное властью лицо. Он должен обладать опытом и пользоваться авторитетом у подчиненных. Обладаешь ли ты у нас богатым опытом, Ваня? Не-а. Тот же Дед с Калькой служат на заставе как минимум вдвое дольше тебя. А может, ты у нас задержал опасную банду контрабандистов или наладил надежную охрану вверенного участка территории? Опять нет, нелегалы снуют у нас под носом, как мыши в амбаре. Да и заставы, если подумать, больше нету, сгорела она. Просрал ты свою заставу, Ванюша. Ну и какой из тебя после этого командир?

– Не обращай внимания, Ударник, – примирительно сказал Ромка, обмакнув оладью в пиалу с подливкой. – Из него, как выпьет, всякий раз дерьмо наружу лезет.

– А когда трезвый? – прищурившись, поглядел на парня Алекс.

– Когда трезвый – тоже лезет. Но меньше.

Иван смотрел на своего товарища с явной неприязнью и осуждением.

– Хочешь сказать, что больше не признаешь во мне командира?

– Хочу сказать, что командир из тебя как из сопли сережка, – откликнулся Алекс и залихватски опрокинул в рот очередную стопку, – а дальше сам думай.

Ромка напрягся, ожидая, что Ударник сейчас ринется в словесную атаку, итогом которой станет очередная склока, однако Иван молчал, задумчиво глядя перед собой.

– Ударник, ты чего? – окликнул его Дед.

– Все в порядке, – отозвался наконец тот, – мне кажется, он в чем-то прав. Не получилось из меня хорошего командира. И заставу сохранить не получилось…

– А кто вам заставу-то подпалил? – послышался из глубины заведения вопрос на чистом русском языке. – Местные, что ли?

Говоривший – тощий сутуловатый мужик средних лет, облаченный в сильно потертый пустынный камуфляж, – как раз усаживался за соседний столик, сжимая в пятерне запотевшую кружку местного светлого пива.

– Ух ты, какие люди! – без энтузиазма в голосе поприветствовал нежданного посетителя Ромка и, повернувшись к растерянно примолкшим Алексу и Гольму, пояснил: – Знакомьтесь, мужики, это Гонец. Местный «контрабас», личность в определенных кругах известная.

– Я не контрабандист, я честный торговец, – перешел на клондальский любитель пива. – У меня все документы в порядке.

– Ага, то-то я припоминаю, что года полтора назад тебя в Венальде с запрещенным к ввозу гранатометом чуть не поймали.

– Так не поймали же, – усмехнулся Гонец, – а теперь и ловить будет некому.

– В смысле? – настороженно уточнил Ударник, хотя, кажется, уже понимал, к чему клонит торгаш.

– В прямом. Сдается мне, парни, заставу вашу не просто так подожгли, да вы и сами небось догадываетесь, куда все катится. Магистрат и лорд-протектор Данвил уже давненько на пограничную стражу зубы точат: сборы с торговцев – кусок жирный, а казна со всеми этими военными приготовлениями скоро совсем опустеет. Однако с землянами им ссориться тоже не очень-то выгодно, вот и действуют как умеют – чужими руками. Пропаганда да подстрекательство одинаково работают во всех мирах.

– Ты, Гонец, гонишь, – возразил Иван и улыбнулся невольно получившемуся каламбуру, – на нашу заставу местные крестьяне явились, у которых родственничков в перестрелке прикончили. Так уж получилось, не мы первые начали. Так что этот народный бунт к политике отношения не имеет.

– Ага, ну да, точно, – покивал головой торговец, – а сорок вторую заставу, что в Сухих пустошах, вчера кочевники тоже просто так разнесли, потому что у тамошних шаманов плохое настроение было.

– Сорок вторую разнесли? – переспросил Ромка и многозначительно переглянулся с Иваном.

– По кирпичику. А еще слухи ходят, – Гонец зачем-то понизил голос, хотя их разговор вроде бы никто не подслушивал, – будто на тринадцатой, которая у границы с Цадом, тоже что-то не ладится. Я сегодня поутру Всеведа, командира ихнего, в Антарии видел. И, скажу я вам, выглядел он весьма встревоженным, если не сказать хуже.

Ненадолго в помещении ресторанчика повисла напряженная тишина, нарушаемая лишь звоном вилки о фарфор – Гольм сосредоточенно дожевывал свою порцию.

– Да вы, парни, не горюйте, не пропадете, – обнадежил пограничников Гонец.

– Есть конкретные предложения? – поинтересовался Алекс, осушив еще одну стопку водки.

– Я слышал, Военное министерство Клондала добровольцев в армию набирает, – пожал плечами торговец и отхлебнул из своей кружки, – в том числе офицеров и военных советников. Причем бывшим погранцам вроде как обещают особые условия, благо боевой опыт у вас изрядный, да и связи кой-какие есть. Ну а что: платят неплохо, служба не пыльная. Это вам не траншеи копать, да и маршировать строем никто заставлять не будет.

– Иди-ка ты, Гонец, с такими предложениями куда-нибудь подальше, – мрачно ответил за всех Ударник, – рекрутер, блин, нашелся.

– А как хотите, – обиженно откликнулся тот и демонстративно отвернулся. – Я не настаиваю, мое дело предложить.

– Что это за топот на крыльце? – Алекс навострил уши, прислушиваясь к непонятной возне, происходившей где-то возле входа. Иван вытянул шею,

вглядываясь в полумрак ресторанного зала.

– А это нас арестовывать идут, – сказал он.

– Ну-ну, – ответил на это Алекс и залпом допил последнюю стопку водки.

Ввалившаяся в полуподвал толпа была, судя по всему, настроена весьма решительно: шестеро вооруженных бойцов в болотного цвета форме со знаками различия военной жандармерии Клондала, распихивая друг друга локтями, загрохотали башмаками по направлению к их столику. Ресторанный охранник недовольно сопел чуть позади, видимо, не желая пропустить грядущее увлекательное представление.

– «Жорики» пожаловали, – брезгливо поморщившись, обозвал нежданных визитеров обидным прозвищем Иван. Военных жандармов в пограничной страже не переваривали на дух: среди пограничников они считались тунеядцами и бездельниками в отличие от прочих клондальских вояк, заслуживавших хоть какого-то уважения. Впрочем, такое отношение можно было назвать взаимным: «жорики» в ответ недолюбливали погранцов, хотя до недавнего времени откровенно их побаивались.

– Господа, – обратился к ним один из жандармов в звании штабс-ротмистра, – я вынужден задержать вас за нарушение специального постановления Магистрата Антарии о порядке ношения огнестрельного оружия в местах скопления гражданского населения. Попрошу вас сдать автоматы и следовать за мной.

– Ротмистр, – подвыпивший Алекс выглядел спокойным и расслабленным, однако в его глазах уже прыгали веселые чертики, – тут приличное заведение общественного питания, можно сказать, эталон высокой культуры обслуживания проголодавшихся граждан. Любой «Метрополь» удавится от зависти сразу и весь, глядя на здешнего швейцара. А вы явились в сапогах, нашумели, натоптали…

– Па-а-апра-шу! – резко оборвал его жандарм и протянул руку к составленным возле стены стволам.

Вместо ответа Алекс, оттолкнувшись каблуками от пола, отъехал вместе со стулом назад, пока спинка не уткнулась в стену, подтянул колени к груди и, упершись подошвами ботинок в край столешницы, резко выпрямил ноги. Стол с грохотом воткнулся ротмистру под дых, тот, выпучив глаза, согнулся пополам, и в тот же миг об его затылок вдребезги разлетелся пустой водочный графин, который Алекс ухватил за горлышко.

– Пьянка без драки – деньги на ветер! – радостно провозгласил он, вскакивая на ноги.

Краткой минуты замешательства хватило, чтобы и второй жандарм, подвернувшийся Алексу под руку, отлетел к стене, зажимая ладонями разбитый нос. Еще один «жорик» примерился было отоварить сидящего Ударника прикладом винтовки по голове, но вынырнувший из-под стола Дед расстроил эти коварные планы, ловко лягнув жандарма под коленки. Грохнул выстрел – один из участников потасовки пальнул в воздух, и без того полутемный зал ресторанчика заволокло горьким пороховым дымом.

– За мной! – выкрикнул Гонец и вскочил на ноги, переворачивая стол, за которым до этого сидел. – Быстрее!

Второй раз повторять не пришлось. Вслед за метнувшимся в глубь заведения торговцем бросился Алекс, за ним поспешил Ромка. Оглянувшись через плечо, Иван увидел, как двое жандармов схватили под руки Гольма. Тот не сопротивлялся.

Гонец перемахнул через барную стойку, со звоном опрокинув на пол несколько аккуратно выставленным рядком хрустальных бокалов, одернул занавеску и исчез в открывшемся за ней узком коридоре. Подсобка, тесный склад, заставленный ящиками с провизией и вином, дверь на кухню, откуда раздавалось шипение кипящего на огне масла и пулеметная дробь поварского ножа, постукивающего о разделочную доску. Узкая дверь вела в неприметный дворик, а он в свою очередь выходил воротами на перекресток, из которого разбегались в разные стороны еще три узкие улочки.

– Где… – прохрипел Дед. – Где он? Где Гонец?

– Стоять! Поднять руки! – заорали сзади на клондальском. За криком последовал омерзительный звук полицейского свистка.

Алекс, не тратя слов, буквально схватил Деда за шиворот и сдернул за ближайший поворот. Изгибы улочки сразу спрятали их от чужих глаз.

– Не отставай, салага! – отрывисто приказал Алекс. – Держать темп!

– Автоматы… там остались… – продолжал надрываться Дед. – Что делать?!

– Бежать!

Петляя по причудливым закоулкам, беглецы сквозь собственное рваное дыхание слышали вопли жандармов и свистки то слева, то справа. Казалось, они никуда не движутся, а просто мечутся по кругу, будто загнанные звери.

– Стой! – Алекс схватил Деда за локоть. – Упал, быстро!

Оба скатились в канаву на обочине. Под тяжестью тел хлюпнула холодная жижа.

– Тихо! Не шевелись. Там «жорики» шакалят!

Дед так громко и надрывисто дышал, что казалось, его слышит вся улица. Крики жандармов действительно раздавались где-то совсем рядом.

– Не могу… – хрипел Дед. – Не могу больше бежать… эти суки нам в пойло что-то подмешали, точно! Ноги отваливаются.

– Ничего тебе не мешали, просто пьян ты не по годам, – с яростью прошипел Алекс. – Все, заткнись! По моей команде вскакиваем – и рвем в тот проход между дворами.

Звуки погони наконец стали тише.

– Пошел! – Алекс рывком вздернул товарища на ноги.

Они вылетели на соседнюю улицу – и тут же едва не угодили под копыта лошади, тащившей по талому снегу неприметно-серую повозку с будкой. Дед успел схватиться за оглоблю, Алекс же не удержался и распластался на мокрой дороге.

– Придурки! – закричал кто-то сверху. – Где вас носит, я вас обыскался!

– Гонец? – вытаращил глаза Дед. – Ты откуда?

Это и в самом деле был Гонец. Только теперь он выглядел непривычно деловитым, напряженным и резким. Он схватил обоих беглецов за рукава и потащил к двери фургона.

– Быстро в будку, и чтоб ни звука! Хорошо поняли?

– Зачем нам туда? – пробормотал Дед, успевший разглядеть на боку фургона какой-то угловатый пугающий знак.

– Закрой хлебало!

Дверца захлопнулась, щелкнул простой запор снаружи. В темном нутре фургона колыхался затхлый кисловатый воздух, наводящий на мысли о свинарнике. В дальнем углу вдруг раздался шорох.

– Кто здесь?! – Дед судорожно полез за спичками.

Маленький огонек рассеял тьму. Обнаружилось, что на узких жердочках-скамейках в будке примостились еще два пассажира. Один – совсем молодой, в рабочем комбинезоне, с узелком на коленях. Второй же был непонятного возраста, небритый и нестриженый, одетый в тряпье. Он то и дело кашлял и чесался.

– А вы кто такие, хлопцы? – с подозрением спросил Алекс. – Арестанты, что ли?

– Я в армию записался, – с достоинством ответил молодой.

– Ну, понятно, – вздохнул Алекс. – Наш чудесный друг Гонец и в самом деле стал заготовщиком пушечного мяса. Сделал карьеру, сука.

– Ну, что? – отозвался Дед. – Дергаем отсюда, пока не поздно?

– Предлагаешь ломать дверь?

Скрип колес вдруг затих, повозка остановилась.

– Ага… – зловеще прошипел Дед. – Сейчас он дверь открывает – и сразу бью в сопатку…

– Тихо, дурень! – Алекс схватил его за руку.

Снаружи послышались голоса. Звучали они довольно резко и на благодушный лад не настраивали – в их хоре Алекс отчетливо различил слова «военная жандармерия». Значит, не успокоились, оцепили квартал, пытаясь поймать ускользнувшую добычу. После этого заговорил Гонец – его было слышно гораздо лучше, поскольку он стоял совсем рядом, буквально за фанерной стенкой фургона.

– Господа офицеры, вот мои бумаги. А вот эмблема на борту фургона. Я перевожу имущество, принадлежащее мобилизационному комитету. И вы не имеете права меня задерживать или досматривать. Если же вы намерены нарушить чрезвычайный приказ комитета, я предупреждаю о праве применить все доступные мне меры защиты…

В следующую секунду Дед и Алекс с перепуга втянули головы в плечи, потому что снаружи послышался голодный металлический лязг автоматного затвора. Однако Гонец, похоже, оказался мужиком умным, стрелять не решился, видимо, понимая, что жандармы явно превосходят его по количеству стволов. Затем снова раздался возмущенный гвалт «жориков», однако психологическая атака удалась: повозка спокойно возобновила движение – медленно, без всяких признаков панического бегства.

– М-да… – обронил Дед. – Красиво он их построил. Не ожидал такой борзости от этого хмыря.

– А вы не знаете, когда приедем? – подал вдруг голос молодой новобранец с узелком. – А то он с утра нас так возит. Даже в туалет не выйдешь.

– Здесь тебе чем не туалет? – отозвался его нечесаный попутчик и тут же зашелся в хриплом смехе, похожем на судорожный кашель.

* * *

Похоже, молитвы туалетного страдальца достигли успеха – повозка прибыла к цели меньше чем за четверть часа.

Грохнул запор, и Дед первым вывалился из будки, судорожно хватая ртом свежий уличный воздух. Обведя вокруг взглядом, он издал нечто среднее между вздохом и стоном. Повозка остановилась в просторном и довольно чистом дворе. Вдоль высокого забора сидели на корточках люди – в основном молодые парни, просто одетые. Некоторые что-то ели из своих узелков или корзинок, другие тихонько переговаривались, третьи просто почесывались, настороженно зыркая по сторонам.

У ворот томились двое флегматичных часовых с винтовками, еще один охранял вход в одноэтажное строение с плоской крышей.

– На пересыльную тюрьму похоже, – хмуро изрек Дед.

– Ну, тебе видней, конечно, – отозвался Алекс, отряхивая штаны от грязи, которой нахватал то ли в фургоне, то ли еще в придорожной канаве. – Только это, скорее, военкомат. Добро пожаловать в вооруженные силы, сынок. Тебя ждет романтика дальних дорог и упоение блестящими победами.

Подошел Гонец.

– Слушайте сюда, мужики, – деловито начал он. – Уговаривать вас не буду, доказывать что-то тоже. В любой момент можете повернуться и валить отсюда на все четыре. Только об одном прошу. Поговорите с человеком. Это недолго.

– С каким человеком? – подозрительно сощурился Дед.

– Просто человек. Он вам кое-что расскажет, кое-что спросит… после этого делайте что хотите.

Дед и Алекс переглянулись, последний неуверенно пожал плечами.

– Ну, раз ты так просишь… веди к человеку.

– Ждите здесь. Договорюсь, чтобы вас без очереди приняли, – и Гонец скрылся за дверями строения.

– Ну и что ты про все это думаешь? – негромко проговорил Дед, искоса поглядывая на копошащихся у забора новобранцев.

– Думаю, – Алекс коротко вздохнул, – что мы чужие на этом унылом празднике паршивой жизни. Как-то так.

Он отошел к забору, сел на бревно, предварительно отряхнув его. Прикрыл глаза и продолжил:

– Не знаю, что нам скажет обещанный человек, но мне уже хочется послать его в жопу.

– Интересно, что там с Ударником. – Дед присел рядом. – Убежал или попался?

– Ты о себе переживай, дурень сердобольный… Ударник без тебя свои вопросы решать умеет.

Рядом вдруг образовался один из «призывников» – оборванный, с грязными косматыми волосами и прыщами вокруг рта.

– А слышьте, господа, – гнусаво проговорил он, – нельзя ли что-нибудь покушать?

– Ну, покушай, – ухмыльнулся Алекс. – Мы не возражаем.

Парень озадаченно заморгал, не сумев никак истолковать ответ. Потоптался на месте еще с минуту и, не дождавшись никакого угощения, отправился было восвояси. Но Дед его остановил:

– Погоди-ка, герой! Тебя с какого хутора вынули-то?

– Из Гнилой Балки мы, – ответил тот с некоторым подозрением. – И я, и братья.

– Ну, это заметно… И куда ж вас понесло? Решили подвигов поискать на свою задницу?

– А что нам… Одежу обещали хорошую, и ботинки, и супом кормить кажный день. Все лучше, чем в болоте грязь черпать на осушении.

– Ну, молодец… Быть тебе генералом. На вот… – Алекс кинул ему монету. – Купи у кого-нибудь покушать. И братьев угости.

– У братьев-то есть, а я свое еще вчера слопал. – Парень зажал подарок в кулаке и поспешил прочь, пока не отобрали.

Наконец в здании приоткрылась дверь, появилась макушка Гонца.

– Заходьте, господа гусары, – помахал он рукой.

– Ловко ты переобулся, – заметил Алекс, поднявшись на крыльцо.

– Что-что? – Гонец удивленно моргнул и скосил глаза на ботинки.

– Да я не о том, лошара! – расхохотался Алекс. – Я говорю, был ты проходимцем и бандитом. А стал важным человеком, в кабинеты всякие вхож теперь.

– Ну, положим, с бумагами у меня всегда порядок был. – Гонец невольно тронул карман. Судя по тому, как тот оттопыривался, внутри имелись не только бумаги, но и потолстевший за день кошелек. – А так-то да… Новое время дает новые возможности!

– А вот скажи по чесноку, – прищурился Дед, – много ты за одну голову получаешь?

– Ну, за ту рвань у забора – совсем крохи. А за вас двоих посолиднее. Хватит, чтобы сегодня местную курсистку в приличный ресторан сводить. Ладно, шевелитесь, вас там ждут.

В просторном кабинете было сумрачно и пустынно. Пахло пылью и какими-то лекарствами.

– Здорово, застава, – на фоне яркого окна пошевелился неразличимый силуэт. – Присаживайтесь вот там.

– Пограничник, что ли? – спросил Дед, опускаясь на простую скамейку сбоку от стола.

– В каком-то смысле, – ответил незнакомец.

Алекс только хмыкнул, рассматривая камуфляж редкого в этих местах пустынного цвета, а также набор совершенно незнакомых шевронов. Потом взгляд его переполз на кобуру, из которой торчала рукоять раритетного «люгера».

– Полковник Зайцев, – представился хозяин кабинета. – Можно просто Борис.

Он замолчал, пристально разглядывая обоих посетителей. Взгляд его вызывал странное ощущение. С одной стороны, он был вполне дружелюбным. Но с другой – от него хотелось закрыться руками – он будто насквозь пронзал. Недавние беглецы тоже смотрели на него с подозрением: названные полковником имя и фамилия были скорее всего ненастоящие.

– Ты – Дед, – изрек полковник с непонятной полуулыбкой. – Ромка-воришка. Напомни, у какого министра ты три года назад кошелек украл?

– А при чем тут… – начал было Алекс, но полковник его прервал:

– А у тебя погоняло – Поганый. Зовут – Александр…

– Я – Олександр! – веско поправил Алекс, блеснув возмущенными глазами. – Через «О».

– Эти свои штуки для паспортного стола оставь, ладно?

– Мент, что ли? – поежился Дед.

– Ну, зачем так грубо? А кстати… – Полковник принюхался. – Что сегодня праздновали? «Враги сожгли родную хату»?

– Слушай, дядя!.. – начал подниматься Алекс, но полковник вдруг расхохотался.

– Да ладно вам, чего напряглись-то?!

И тут же в кабинете словно свет включили. Стало легко и уютно, напряжение рассеялось в один миг.

«Гипноз свой на нас пробует, – подумал Дед. – Точно, мент…»

– Ладно, давайте к делу. – Полковник положил ладони на стол, направил взгляд куда-то в пустоту. – Вы уже в курсе вашего бедственного положения?

– Чего? – буркнул Дед. – Нормальное у нас положение.

– Ну, как сказать… С застав вашего брата щемят, а скоро и из страны выдавят. Это тех, кто выживет. Потому что сегодня торговцы и крестьяне вам всего лишь сопротивление оказывают, а завтра начнут засады устраивать и из-за угла убивать. Вы разве не заметили?

Дед и Алекс не отвечали, только сопели и хмурились.

– Далее, – спокойно продолжал полковник. – Штаба у вас уже нет. А значит, нет и полномочий, и законодательной защиты, и даже внятного статуса. Штаб частично расформирован, частично эвакуирован. Ряд служб переподчинены объединенному командованию. А скоро оно перестанет быть объединенным и будет просто единым. Это означает конец пограничной службы на территории

Клондала как общественного явления… Чем думаете заняться? Говорят, на сталелитейных заводах много вакансий появилось – интересует?

– Вы обещали ближе к делу, господин полковник, – напомнил Алекс.

– Угу… – Полковник поднялся и встал лицом к окну, сложив руки на груди. – Вы же видели это стадо во дворе? У меня всего пара месяцев, чтобы его приумножить и переучить в нечто боеспособное. Это непросто. Нужно каждому рассказать, с какой стороны приклад у винтовки. Объяснить разницу между выпасом баранов и боевым перемещением. Как-то растолковать, что патроны и экипировку нужно держать при себе, а не менять на самогон…

– И?.. – хмыкнул Алекс.

– Если бы вы хотели уйти, давно бы ушли. Но вы хотите здесь остаться. Так оставайтесь. Меняйте пограничные значки и нашивки на шевроны объединенного командования. Занимайтесь делом, живите в свое удовольствие.

– Кишки на сурганский танк намотать – удовольствие так себе… – заметил Алекс.

– Зачем же такие кадры – да под танк? Это расточительно. Для танков местных голодранцев достаточно. Нет, ребятки. Я отправлю вас в учебный лагерь где-нибудь в пригороде, на свежем воздухе. Дам офицерские погоны и хорошее содержание. Документы, обеспечивающие неприкосновенность, которой у вас сейчас почти нет…

– А дадут такой документ, – заговорил Дед, – чтобы жандарму в рыло сунуть – и ничего за это не будет?

– Не все сразу, но что-нибудь придумаем. Главное, вы останетесь практически при своем. Почти свободные, солидные, уважаемые. И небедные. Как вам такой вариант? – Полковник повернулся к собеседникам и доверительно посмотрел каждому в глаза.

– Это вы сейчас нас плюшками задабриваете, – фыркнул Алекс. – А стоит бумаги подписать, так сразу ружье в зубы – и бегом в окопы. Разве нет?

– Послушайте, ребятки, – полковник придвинул стул и сел прямо напротив, – я же знаю, что почти в любой момент вы можете открыть порталы и скрыться в голубой дымке. Почему-то вы до сих пор этого не сделали. Так о каких окопах речь? Объясните, каким образом я могу вас кинуть?

– Хе-хе… – крякнул Ромка. – А каким образом тогда вы вообще можете нам верить? Вот сейчас возьмем аванс – и в голубую дымку. И ищите…

Полковник покачал головой.

– Вы не уловили мой стиль, парни. Я вас не вербую. Я вас прошу. Просто. Искренне. От души. Прошу мне помочь.

– О как… – обронил Алекс.

– Буду откровенен. Я здесь человек чужой. Еще две недели назад я сидел на верхнем этаже Министерства иностранных дел в столице Хеленгара. На хорошей должности, за солидным дубовым столом. Любимая работа, отличное жалованье, влиятельные друзья… И огромный фикус в углу кабинета! Но какая-то сволочь вспомнила мой послужной список и предложила командировать в Клондал! В помощь восточному соседу и для укрепления боеспособности. Не за так, конечно, а в обмен на дипломатические преференции. Двадцать четыре вагона с военспецами прибыло в Антарию из Ривы.

– Ну, допустим, сочувствуем, – едва заметно усмехнулся Алекс. – Нам-то зачем это знать?

– Я хочу побыстрее закончить дело и вернуться к своему любимому фикусу. Наберу хотя бы полсотни таких, как вы, запущу обучение – и все. Свободен. Поэтому и прошу – не кривляйтесь, а просто помогите сделать дело. А я помогу вам. Ну?

Алекс и Дед быстро переглянулись и тут же развели взгляды в стороны.

– Или у вас были какие-то другие планы? По моим данным, никаких, – поднажал полковник.

– Ну-у… не знаю… – замялся Дед.

– Да не пыжьтесь вы так! Я ведь вижу, что вы уже согласны! Верно?

– Вот что я скажу, – солидно изрек Алекс. – Везите нас в вашу учебку, полковник. Посмотрим, поживем, пощупаем. А там решим. Если что не так – про порталы вы сами знаете.

– Да все будет так, парни! А насчет порталов… Настанет момент – я сам вам подскажу, когда в них пора будет прыгать. А он настанет обязательно.

– В смысле? – насторожился Дед.

– В том смысле, что у Клондала нет шансов против Сургана. И не потому, что он слабый. А просто тут каждый второй – предатель. Рабочие хотят пенсий, лавочники – вменяемых налогов, фабриканты – предсказуемой экономической политики. Все это у Сургана есть, поэтому многие его попросту ждут. Единственные, кто против, – церковники и само правительство.

– Вот это поворот… – хмыкнул Алекс. – А мы, стало быть…

– А мы, стало быть, просто заготавливаем мясо на убой. И ничего с этим не поделаешь.

Полковник повернулся к столу и неожиданно выудил из ящика бутылку очень знакомого вида.

– «Русская особая», – пояснил он, разливая по стаканам. – Контрабанда! Для очень уважаемых гостей. Закрепим нашу дружбу любимым напитком.

– За успех безнадежного дела, – скривился Алекс и залпом осушил стакан.

– А вы ведь говорили, что тоже пограничник, – вспомнил Дед, прокашлявшись после неудачного глотка. – А потом – какое-то министерство… или я не так понял?

– Когда-то был пограничником, – кивнул полковник, разрезая явившееся из того же ящика яблоко. – Потом стал отвечать за другие границы. Обычное дело.

– А где служили, на какой заставе?

– Последняя должность – замначальника оперативного бюро при дивизионе.

– Точно мент! – воскликнул Ромка, выронив изо рта яблочную дольку. – Я ведь чуял, я знал!..

– Расслабься, боец, – улыбнулся Зайцев от уха до уха. – Теперь это уже не важно.

Глава 3

Свернув за угол, Иван привалился к сырой кирпичной стене, пытаясь перевести дух. Холодный и влажный воздух драл горло наждаком, сердце гулко ухало в груди. Где-то вдалеке раздавались трели полицейских свистков, однако ему, похоже, все-таки удалось улизнуть от жандармов, бросившихся в погоню за его спутниками и потому упустивших его из виду. Конечно, было бы намного лучше не устраивать всю эту беготню с мордобоем, а уйти порталом на Землю прямо из кабака, если бы не одно «но». Сам Иван мог открыть проход, только раздевшись догола и шагнув в неизвестность спиной вперед – однажды у него получилось проделать этот трюк без исполнения столь странного ритуала, причем этот единственный случай он запомнил на всю оставшуюся жизнь. Но как ни пытался он повторить этот эксперимент вновь, ничего не получалось. Деду для успешного перехода требовалось запереться в туалете, Алекс открывать порталы не умел вовсе. Вот уж и вправду: не проводники, а инвалидная команда.

Отдышавшись, Иван огляделся. Эта часть Антарии была знакома ему не слишком хорошо: узкие переулки, петляющие меж старинных каменных особняков, убегали на запад, в сторону рабочих окраин, где ютились многочисленные мелкие мануфактуры и размещались склады. Центр города располагался совсем в другой стороне, туда вела мощенная булыжником Купчая улица, прямая, но не слишком широкая, как и прочие тракты клондальской столицы. Иван решил не

менять первоначально принятого плана, разве что внимательнее поглядывать по сторонам, чтобы не нарваться на очередной комендантский патруль. Впрочем, автомата при нем уже не было, да и хорошенько разглядеть его физиономию в полумраке ресторанного зала «жорики» вряд ли успели.

Прошагав по булыжной мостовой с пару десятков метров, Иван убедился, что поглядывать по сторонам было неплохой идеей: глаз подмечал мелкие детали, которые понемногу усиливали и без того зародившееся в душе смутное беспокойство. Обилие среди прохожих людей, одетых в военные мундиры всех сортов и расцветок, он отметил еще сегодня утром, но только сейчас обратил внимание на другие зловещие симптомы, не предвещавшие ровным счетом ничего хорошего. Возле одного из больших частных домов, фасад которого украшали высокие мраморные колонны, стояла запряженная лошадьми подвода. Несколько облаченных в рабочие фартуки мужчин торопливо вытаскивали из здания наспех упакованные тюки и коробки, загружая их в телегу. Из кучи скарба одиноко выглядывал абажур, похожий со стороны на приземлившийся посреди нагромождения чемоданов дирижабль, торчали в разные стороны лакированные палки не то карнизов, не то гардеробных вешалок. Вокруг продуктовой лавки на углу Купчей и Верхней Базарной улиц толпился народ, булочник с окладистой бородой продавал хлеб прямо с деревянного лотка.

– По две буханки в руки! – кричал он. – Только по две! А ну не толкайся!

– Подналяжем, братцы! – вторила ему толпа.

Отоварившиеся покупатели, прижимая буханки к груди, словно близнецов-младенцев, семенили прочь, воровато оглядываясь.

Иван шел вперед, время от времени перепрыгивая через украшавшие брусчатку тут и там лошадиные клубни, источавшие терпкий навозный запах – убирать тротуары, похоже, теперь тоже никто не спешил. В воздухе мирной и тихой прежде Антарии было разлито тяжелое тревожное ожидание.

Зимний парк, прилегавший к Министерству иных миров, выглядел стылым и безлюдным, не было здесь сейчас ни прогуливающихся парочек, ни отдыхающих на лавочках стариков, ни бегающей по аллеям детворы. Это, наверное, и хорошо – Ивану сейчас совсем не хотелось привлекать к себе лишнего внимания. А вот и само здание министерства, похожее на отлитый из бетона мрачный серый куб,

на верхней грани которого замерли в вечном ожидании светлого будущего аллегоричные фигуры ученых – были здесь и химик, и инженер, и даже астроном с похожим на подзорную трубу телескопом в руке. Не хватало только рабочего и колхозницы. Возле ступеней этого громоздкого здания тоже царила суета: небольшая площадка перед фасадом заставлена телегами и почтовыми фургонами, в сторонке пыхтит паровой машиной грузовой локомобиль, в кузов которого грузчики деловито закидывают толстые архивные папки с бумагами. По ступеням тоже сновали люди – такого оживления Иван не наблюдал тут давненько.

Раньше он бывал в министерстве всего лишь несколько раз, причем в сопровождении Старика, который оформлял для них особый пропуск. Однако Иван давным-давно усвоил простой принцип, позволявший проникать практически за любые закрытые двери: если взять в руки какой-нибудь большой и громоздкий предмет, а потом изобразить очень деловое и сосредоточенное выражение лица, никому не придет в голову спросить, какого черта ты тут делаешь. Примерно так в далеком московском детстве он бесплатно проникал на утренние киносеансы – с озабоченным видом протащив мимо билетера позабытую работягами в ремонтировавшемся вестибюле стремянку или подобранную во дворе пустую картонную коробку из-под какой-то снеди.

В нынешней суете реализовать задуманное оказалось и вовсе проще простого. Дождавшись, пока в кузов грузовика отправится очередная стопка документов, Иван подхватил одну из пухлых папок и, зажав ее под мышкой, взбежал вверх по ступеням. Раскрыв папку, он проскользнул в двери следом за семенившим впереди посетителем и, перелистывая пожелтевшие бумаги прямо на ходу, быстрым шагом направился к центральной лестнице. Дежуривший за отгородкой у входа вахтер даже не взглянул в его сторону.

Советник Гольм обитал на четвертом этаже. Ведущая туда лестница была широкой, просторной, гулкие площадки освещались естественным светом, падающим из высоких витражных окон. Расположенные в стенах ниши украшали статуи, по всей видимости, созданные неизвестными скульпторами еще до Катастрофы – по крайней мере выглядели они весьма потрепанными временем. Однако сновавшие вверх и вниз люди не обращали внимания на всю эту красоту – они были мрачны и сосредоточены на собственных мыслях. А вот и нужный коридор.

Иван сделал несколько шагов по мягкому, гасящему звуки ковру и замер перед дверью советника, из-за которой доносились возбужденные голоса. Один голос принадлежал самому хозяину кабинета, а вот второй… Второй был тоже хорошо ему знаком. Иван прислушался: ошибки быть не могло.

– Я не понимаю! – Советник был явно раздражен и крайне взволнован. – Как? Как ты мог провалить почти все поставленные перед тобой задачи? Ты бесполезный, совершенно никчемный человек! Весь в своего отца!

– Я старался, дядя… – Судя по интонациям, Готир Гольм и вправду чувствовал себя виноватым, по крайней мере его слова, доносившиеся из-за закрытых дверей кабинета, звучали тихо и смущенно.

– Он старался! – передразнил племянника советник. – Скажи на милость, зачем я вообще пристроил тебя на эту заставу? Штаны просиживать? А я тебе напомню. Ты должен был внимательно следить за происходящим и докладывать мне обо всех, даже самых незначительных событиях. Обо всех, слышишь? Почему не связался со мной, когда начались волнения среди крестьян? Ведь был же известный тебе способ связи!

– Все произошло так стремительно, дядя… Я просто не успел ничего предпринять.

– Зато я бы успел! Это должно было произойти, Готир, но не сейчас. Несколькими днями позже, когда все пограничники покинут Клондал. Еще не хватало, чтобы они встретились тут с кем-нибудь из своего начальства и получили инструкции…

– Я там чуть не погиб, между прочим, – обиженно произнес бывший пограничник. – Когда застава вспыхнула, мы спаслись только чудом. Если бы не…

– Если бы не твое разгильдяйство, дорогой племянник, то все пошло бы по плану, – оборвал его советник, – и тогда тебе не пришлось бы рисковать. Хоть это ты понимаешь?

Иван стоял в коридоре и не верил своим ушам. Их старый знакомый, советник Гольм, не раз выручавший пограничную стражу в сложных ситуациях, теперь

играет на чужой стороне поля, да еще и внедрил в коллектив своего соглядатая. Впрочем, он – государственный чиновник, и его интересы во многом определяются текущими интересами правительства Клондала. А правительство, похоже, решило окончательно избавиться от пограничников на своей территории, взяв контроль над торговлей между мирами в собственные руки. Что ж, политический момент для этого выбран как никогда подходящий. Магистрат не зря ест свой хлеб, лорд-протектор Данвил может быть доволен.

Выходит, Гольм больше не союзник. Хорошо, что Готир жив и с ним ничего не случилось: задержавшие его жандармы, судя по всему, сразу же отпустили парня на все четыре стороны. Это, впрочем, совсем не удивительно, учитывая его родственные связи. Вопрос в другом: что делать дальше?

Возвращаться в Москву Иван не видел ни малейшего смысла – его там никто не ждет, вся его жизнь и работа сосредоточены здесь, в Центруме. Во-вторых, было бы неплохо разыскать парней, осталось лишь придумать как. Куда могут отправиться двое пограничников, если им удастся избежать ареста и выбраться из города? В том, что они сумеют обмануть «жориков», Иван ничуть не сомневался. Так все-таки куда? Единственный логичный ответ – в Марине. Главный Штаб остался, пожалуй, последним центром притяжения для всех бойцов пограничной стражи в этом стремительно сходящем с ума мире. Даже если разразится война, крошечному городку, затерянному в бескрайних степях между Сурганом, Клондалом и Краймаром, ничего не угрожает: скрепленные много лет назад международными договорами соглашения гарантируют ему полную защиту и неприкосновенность. Значит, нужно отправляться туда. Разыскать полковника Берндта Беккера, который без малого два года назад предлагал ему сменить одинокую заставу в клондальских пустошах на комфортабельные кабинеты в центральном офисе Штаба Корпуса. Уж он-то знает, что делать дальше.

Неприятное ощущение пристального взгляда в спину охватило его в тот момент, когда Иван уже собирался покинуть свой импровизированный пост возле кабинета советника Гольма. Это чувство было ему хорошо знакомо, он уже испытывал подобное не раз. Только не здесь, не в самом центре шумного мегаполиса, а далеко отсюда, в пустынных и продуваемых всеми ветрами предгорьях Синего Кряжа, где он сутками напролет выслеживал очередного нарушителя, пытающегося уйти перевалами в соседнюю Лорею. Затылка будто бы коснулась чья-то мягкая невидимая рука, взъерошив, точно статическим электричеством, волосы, вдоль позвоночника пробежал неприятный холодок.

Иван осторожно оглянулся, чтобы не спугнуть нежданного гостя.

Мартыш застыл всего лишь в нескольких шагах, внимательно и настороженно глядя в его сторону. Шерсть у него была буро-серая, со светлыми подпалинами на боках, хвост поджат – очевидно, мартыш нервничал, переминаясь на задних лапах. На его шее виднелся широкий ярко-красный кожаный ошейник – взглянув на него, Иван тут же вспомнил рассказы Готира Гольма о том, что в здании министерства есть небольшой зверинец, «живой уголок», где в просторных вольерах обитают несколько видов птиц, ящериц и других представителей местной фауны. Мартышей, обладавших, по общему мнению, некоторыми зачатками разума, в клетках, видимо, не запирали, позволяя свободно разгуливать по зданию.

– Человек. Беда. Помощь, – произнес по-клондальски мартыш.

Все-таки их речевой аппарат не предназначен для воспроизведения звуков человеческих языков, да и используют они в общении с людьми только существительные – все остальные части речи отчего-то не усваиваются их удивительным сознанием. Судя по всему, мартыш просил о помощи, странно только, что обратился он к чужаку, хотя в здании наверняка полно других, хорошо знакомых ему людей. А может, прийти ему на подмогу может только посторонний?

– Человек. Помощь, – внимательно разглядывая незваного гостя, сказал Иван.

На мордочке мартыша отразилось почти карикатурное выражение задумчивости – наверное, именно так художники-мультипликаторы изобразили бы шимпанзе, размышляющего о судьбах вселенной. Затем существо настороженно оглянулось, шагнуло вперед, коснулось руки Ивана своей мягкой ладонью и, опустившись на четыре конечности, вприпрыжку скрылось в глубине коридора столь стремительно, будто за ним гнались неведомые враги. Иван почувствовал в руке какой-то посторонний предмет. Разжав пальцы, он с удивлением увидел аккуратно сложенную в несколько слоев бумажку, небрежно оторванную от листа размером побольше. Развернув записку, Ударник разглядел состоящую из нескольких десятков очень странных символов строку. Почерк писавшего был неряшливым, почти детским, при этом украшенные многочисленными завитушками знаки относились к какому-то совершенно незнакомому ему наречию. Повертев листок в руках, Иван осторожно сложил его пополам и убрал в карман, решив разобраться с этим загадочным подарком чуть позже.

* * *

Окрестности Западного вокзала Антарии напоминали растревоженный муравейник: навьюченные скарбом толпы людей сновали по близлежащим улицам во всех направлениях, кто-то волочил по земле огромные тюки, кто-то толкал перед собой груженные мешками и чемоданами скрипучие тележки. Складывалось ощущение, будто весь город разом решил сняться с места и переехать куда-то в далекие края.

– Последние новости! Министр Вельде объявил о готовности Клондала к войне! – звонко выкрикивал мальчишка-газетчик, размахивая над головой свежим выпуском «Голоса Антарии». – Сурганские войска стягиваются к границам Краймара! В Гранце объявлена мобилизация! Последние новости о войне! Всего за два медяка!

Ударник сжал зубы. Война, война, война. Повсюду только об этом и говорят. Война звенит в воздухе, точно натянутая струна. Все с восторгом ждут, все буквально жаждут ее прихода. Потом эти же самые люди будут стонать в руинах полуразрушенных домов, страдая от голода, холода и отсутствия медикаментов, они будут проклинать войну, сломавшую их жизнь и лишившую надежды на будущее. Но сейчас они с восторгом расхватывают газеты у счастливо улыбающегося мальчугана, разворачивают их, вдыхая терпкий и сладкий аромат типографской краски, впиваются глазами в рубленые черные строчки, повествующие о грядущей войне. Сейчас они не догадываются о том, что их ждет.

Вход на вокзал был перекрыт двойным полицейским кордоном, дальше колыхалась плотная толпа, состоящая из человеческих тел, сумок, мешков и корзин. Терпкий, соленый запах пота смешивался с густым духом лошадиного навоза. Где-то пронзительно взрезала воздух трель жандармского свистка, ей ответил сиплый голос паровоза. Стоящий у перрона поезд тяжело дышал густыми облаками пара, клубящегося в стылом зимнем воздухе.

– Мест нет! – кричал охрипший железнодорожник в съехавшей набекрень форменной фуражке. – Нету мест! Все занято! Разойдитесь, граждане! Следующий поезд завтра по расписанию! Немедленно покиньте платформу!

Народ напирал сзади, толкая стоящих вперед, однако полицейский кордон пока еще с трудом сдерживал людское море.

Где-то в вышине послышалось вдруг басовитое журчание, густой переливчатый звук, то стихающий, то становящийся громче. Иван задрал голову. Небольшой одноместный аэроплан плыл над вокзалом, стыдливо прикрываясь серыми клочками облаков, три коротких крыла чуть покачивались в такт, повинуясь порывам ветра. Прищурившись, можно было даже разглядеть зловещие черные ромбы на кургузом боку самолета. Похожий на этажерку сурганский самолет нагло описал широкую дугу над городской ратушей и скрылся в облачном мареве, совершенно пропав из виду.

– Нет мест! – снова затянул свою шарманку вокзальный работник. – Кому говорят? А ну разойдись!

– Землянин? – дернули Ивана за рукав сзади. – Пограничник?

Ударник оглянулся. Высокий светловолосый парень лет тридцати на вид внешне был чем-то неуловимо похож на легендарного Шурика из старых гайдаевских кинокомедий, разве что не носил очков. Одет он был в свободного покроя куртку и штаны болотно-брезентового цвета, но не военного, а скорее гражданского образца. Примерно в таких «спецовках» более полувека назад комсомольцы-стройотрядовцы под звон гитар и стаканов отправлялись покорять тайгу и поднимать целину своей бескрайней страны. За спиной у незнакомца болтался легкомысленный рюкзачок, смахивающий на школьный ранец. Парень совершенно точно не был пограничником, на торговца или контрабандиста он тоже не походил – на этот счет взгляд у Ударника был наметан.

– Да, – кивнул он, протягивая руку. – Иван.

– Все вы, погранцы, Иваны, – добродушно хохотнул белобрысый.

– Я на самом деле Иван, – сказал Ударник и, хотя в Центруме и было не принято представляться реальными именами, зачем-то добавил: – Иван Переславский.

Здесь, в чужом городе и в чужом мире, посреди встревоженной толпы, он вдруг почувствовал какую-то духовную близость, эмоциональное единение с совершенно незнакомым и посторонним человеком – сейчас достаточно было

того, что он тоже с Земли.

– Константин, – пожал протянутую ладонь парень. – Степанов. Ты куда едешь?

– В Гранц, – ответил Ударник, освежив в памяти схему железных дорог Клондала. Путь в Марине лежал через этот промышленный город, альтернативы не было.

– Тогда поспешим, – кивнул ему, как старому знакомому, Константин, – не отставай, граница.

Растолкав локтями толпу, Степанов умело проложил себе путь к платформе, словно ледокол, пробивающийся среди ледяных торосов. Предъявил железнодорожнику какую-то бумагу, прошептал ему на ухо пару слов, оглянулся и приглашающе махнул рукой. Полицейские невозмутимо посторонились, пропуская их сквозь двойной кордон, и Иван вслед за своим провожатым очутился на заполненном горячим паром и спешащими пассажирами перроне.

– Что здесь, черт возьми, творится? – крикнул он, надеясь пересилить шипение пневматики и гул голосов.

– Эвакуация, – не оглядываясь, пояснил Константин. – Все вагоны забиты госслужащими, которые вывозят архивы, ценности, семьи и собственные задницы из города. Обывателям места не осталось, а завтрашнего поезда скорее всего уже не будет. Последний уйдет ночью в Лирмор, откуда можно выбраться морем в Джаваль.

Изнутри состав походил на базарную площадь в праздничный день: все проходы были завалены мешками и тюками, заставлены коробками и сундуками, и повсюду – на откидных полках, на узких деревянных скамьях, да и прямо на грудах багажа – сидели, лежали, теснились люди. Воздух в вагоне, куда с трудом протиснулись Иван и Константин, был спертый и душный, словно в сауне.

– Комфорта не гарантирую, но до места как-нибудь доберемся, – пообещал Степанов, отыскав с помощью проводника свободный уголок на жестком дощатом сиденье в дальнем конце вагона. Иван, перешагивая через груды чужой поклажи, пробился следом и, не найдя куда присесть, опустился прямо на грязный пол. Только сейчас он почувствовал, насколько устал и вымотался за

минувшие сутки.

– Ты сам-то чем тут занимаешься? – без особой надежды на успех поинтересовался он.

– Я – специалист по особым поручениям, – уклончиво ответил Константин.

– И чьи поручения ты выполняешь?

– Если бы ты был клондальским жандармом или агентом сурганского Вайбера, я бы сказал, что действую в интересах Маранга, – улыбнулся Степанов, – так местные называют нашу Землю. Не всей планеты, конечно, но у определенных сил из нашего мира есть свои завязки в Центруме. Подробностей сообщить не могу, извини. Но к делам пограничников и к контрабанде это никакого отношения не имеет.

Поезд громыхнул сцепками и тронулся, засвистели оси вагонов, спотыкаясь на стыках рельс. За окнами поплыло предзакатное небо, перечеркнутое ломаными черепичными крышами жавшихся к железной дороге домов. Кто-то зашуршал корзинами, послышались сдержанные разговоры, запахло едой.

– Судя по тому, как народ драпает из Антарии, дела и впрямь плохи, – решил на всякий случай сменить тему Ударник.

– Самолет в небе видел? – подмигнул ему Константин. – Вот и они видели.

Он обвел взглядом окружающий бедлам.

– Клондал не выдержит войны с Сурганом, как бы ни пыжился доказать обратное лорд-протектор, – продолжил Степанов. – Силы слишком не равны.

– Если Сурган нападет на Клондал, он получит войну на два фронта.

– Да ничего подобного. Смотри.

Костя порылся в своем рюкзачке, извлек оттуда изрядно потрепанную карту Центрума, развернул ее прямо на собственных коленях – больше оказалось

попросту негде – и принялся водить по желтоватой бумаге пальцем:

– Аламея уже почти полностью оккупирована, сурганским наступательным подразделениям там больше делать нечего. Все начатое ими завершит дружественная Танголу Онелли. Лорею в расчет можно не принимать совсем – этот прыщ на карте, со всех сторон окруженный горами, сам ничего не производит и живет только за счет импорта. Раньше они частично экспортировали технологии, но в последние годы Сурган благодаря хорошо поставленной разведке и агентурной сети в среде контрабандистов научился обходиться и без помощи высокомудрых ученых из Ректората. Поверь мне, через пару месяцев Лорея сама приползет в Тангол на брюхе с мольбами принять ее во вновь создающуюся империю, поскольку тамошним лабораторным крысам внезапно стало нечего кушать. Следующая цель – Клондал.

– Почему? – возразил Ударник. – Мне кажется, Краймар с его мощными финансовыми институтами и развитой банковской системой выглядит куда привлекательнее.

– А ты на карту посмотри хорошенько. Захватив Клондал, Сурган рассечет континент ровно пополам, отрезав Джаваль и Хеленгар от индустриально развитой центральной части. Дальше останется лишь нанести удар по Лирмору, чтобы лишить Цад выхода к морю – естественного транспортного пути, который кормит эту крошечную страну. Далее ее можно смело списывать со счетов. Думаю, Краймар сурганцы оставят на закуску, предварительно выдоив тамошних финансистов по максимуму. Ну а кроме всего прочего, у Сургана к Клондалу имеются кое-какие территориальные претензии.

– Сомневаюсь, что захватчики быстро ассимилируют население столь обширных территорий, – задумчиво произнес Иван. – Все-таки разные языки, разные традиции…

– А они хорошо подготовились, – откликнулся Константин. Снова покопавшись в рюкзаке, он достал небольшую брошюрку, на обложке которой был искусно изображен герб Сургана – молот Первого Кузнеца и сноп пшеницы, – перелистал ее и, открыв примерно на середине, протянул Ударнику. – На, почитай. Это краткий конспект военной доктрины Новой Империи. Они называют это «сурганизацией»: следом за армией идут агитаторы и чиновники, которые немедленно устанавливают на оккупированных территориях собственные законы, набирают из местных жителей полицейские отряды и вешают

недовольных. Завоеванная территория используется в качестве ресурсной базы для продолжения войны.

Ударник просмотрел текст по диагонали – глаза слипались, словно кто-то налил под веки сладкий сироп. Единственное, что он запомнил из прочитанного, – это то, что все работающие на оккупированных территориях сурганские чиновники имели воинские звания.

– Гляжу, ты совсем с ног валишься, граница, – участливо произнес Константин. – Поспи часок-другой, будем подъезжать – разбужу.

* * *

Гранц. Город-завод, центр металлургии Клондала, средоточие тяжелой промышленности. Над Гранцем почти никогда не светит солнце: небо вечно затянуто плотной дымкой, стелющейся меж частокола труб сталелитейных комбинатов. Куда ни глянь – всюду тянутся ввысь пышные хвосты заводских дымов, смешиваясь с громадами низких кучевых облаков.

Поезд прибыл в Гранц на рассвете. Привычная вокзальная суета казалась сегодня чуть более оживленной: среди снующих по перронам носильщиков и пассажиров в повседневной гражданской одежде тут и там мелькали люди в военных мундирах. Иван проснулся за несколько минут до того, как состав, шипя пневматикой и лязгая сочленениями, лениво вполз под ажурные арки дебаркадера Центрального вокзала Гранца. Константин уже бодрствовал и, судя по весьма свежему и довольному выражению лица, тоже успел вздремнуть часок-другой.

– Куда теперь? – спросил Степанов, завязывая тесемки на своем рюкзаке. – Есть подозрение, что здесь твое путешествие не заканчивается.

Ударник поднялся на ноги, потянулся: от долгого пребывания в неудобной позе на полу вагона у него ужасно затекла и ныла поясница.

– В Марине, – откликнулся он. – Отсюда вроде как прямая ветка.

– Эх, не советовал бы я тебе сейчас туда соваться, – покачал белобрысой головой его спутник, – впрочем, тебе решать.

– Чего так?

– Есть опасение, что сурганцы перережут железнодорожную ветку в долине между Синим Кряжем и Разломом в самое ближайшее время. На своей территории, в предгорьях, они уже несколько месяцев строят укрепрайон, стянув туда войска численностью до бригады.

Иван прикинул в уме расстояние, примерное расположение железной дороги на карте и пришел к выводу, что все сказанное Степановым вполне может быть правдой.

– Бригада – это много или мало? – на всякий случай уточнил он. В структуре сурганских вооруженных сил Иван разбирался не слишком хорошо.

– Считай сам. Шесть пулеметных батальонов, отдельный артиллерийский полк, четыре батареи капонирной артиллерии, – словно по писаному принялся перечислять Константин, – инженерный батальон, саперный батальон, рота связи и оперативно-тактический танковый батальон численностью около трех десятков машин. Это не считая ударных наступательных подразделений и пехоты, которые Тангол в последние две недели перебрасывает к границе. Тебе хватит. Хотя… Может, и проскочишь, если повезет.

– Я попытаюсь, – упрямо заявил Ударник. Другого плана у него в запасе все равно не было.

– Что ж, удачи. Если что…

Степанов помедлил, о чем-то размышляя.

– Если что, в Гранце, в Мельничном переулке, есть постоялый двор «Дубовая бочка». Там можно разыскать меня или моего партнера, его зовут Виорел. Нужна будет помощь – обращайся. Бывай, граница.

С этими словами он подхватил свой рюкзак и исчез в толпе пассажиров, устремившихся к выходу на перрон.

Поезд на Марине отходил через полтора часа с первого пути, причем был это не просто поезд, а целый караван, состоящий из нескольких десятков грузовых и пассажирских вагонов. Состав сопровождал уже знакомый Ивану бронепоезд с фольклорно-историческим наименованием «Король Атинг»: грозный на вид, поблескивающий тяжелыми стальными щитами в бородавках металлических заклепок, ощетинившийся орудийными и пулеметными стволами в поворотных турелях. Паровоз уже стоял под парами, и Иван решил не отправляться в город, ибо делать там было решительно нечего, а дышать промышленной гарью ему тем более не хотелось. Купив на остатки наличности в вокзальной кассе билет во второй класс и разжившись у уличного лоточника несколькими горячими лепешками, он занял свое место в пассажирском вагоне.

Желающих покинуть Гранц в направлении сурганской границы оказалось куда меньше, чем пассажиров, спешащих в обратную сторону. Вагон оказался заполнен в основном военными, отправляющимися к западным рубежам Клондала, причем настроение у них, судя по всему, было отнюдь не радостным. По крайней мере на их лицах застыло растерянное и подавленное выражение. Иван прикинул: до узкого перешейка, соединяющего бутылочным горлышком Разлом и предгорья кряжа, они доберутся часов за пять. Дальше поезд будет ковылять уже вдоль сурганской границы, и сколько времени займет такое путешествие, предугадать почти невозможно. Несмотря на зимнюю пору, во втором классе почему-то не топили, вероятно, железнодорожники экономили уголь. Спасаясь от сквозняка, Ударник поднял воротник. Общаться с наводнившими вагон вояками он был совершенно не расположен, а потому, доев лепешки, откинулся на жесткую спинку скамьи и закрыл глаза – дремать в царившем вокруг гомоне было практически невозможно. Да спать в общем-то не хотелось, хотелось наконец принять по-человечески душ и переодеться. По проходу прошел проводник с ручным компостером, проверил билеты и командировочные документы у вояк. Паровоз отдал прощальный гудок, и состав тронулся.

Первые несколько часов поезд катил по пустынной холмистой равнине весьма бодро: стучали колеса, летели за окнами яркие светлячки искр, вырывающихся из паровозной трубы. Затем локомотив замедлил бег, а потом и вовсе стал зачем-то останавливаться на путях примерно через каждый километр, то трогаясь, то замирая вновь. Люди приникли к окнам, переговариваясь шепотом,

но эти чуть слышные голоса сливались в общий тревожный гул – в воздухе повисло напряжение, на нервы давило подсознательное ощущение опасности.

Наконец поезд снова остановился и стоял на этот раз очень долго. Несколько раз локомотив вроде бы пытался стронуть состав с места, по вагонам, точно клацанье падающих друг за другом фишек домино, пробегала металлическая дрожь, но ничего не происходило. Спустя полчаса томительного ожидания паровоз зачем-то немного сдал назад, пронзительно свистнул и встал окончательно.

– Военнослужащим и подданным Клондала просьба освободить вагоны, – гнусаво бубнил проводник, бочком пробираясь по проходу.

– Что там стряслось, уважаемый? – поинтересовался Ударник, осторожно ухватив железнодорожника за черный форменный рукав.

– Сурганский блокпост, – неохотно ответил тот, – составы пропускают, но только после личного досмотра багажа и проверки документов у пассажиров. Мы за их жизнь ответственности не несем, потому просим покинуть поезд от греха, у кого бумаг нету. Нам жертвы не нужны, Управление железных дорог сохраняет политический нейтралитет.

Что ж, определенная логика в этом прослеживалась. Железнодорожники, как известно, считались в Центруме отдельной силой – разветвленная сеть стальных магистралей, опутывающих густой паутиной континент, представляла собою независимое государство, подчиняющееся своим собственным правилам и законам. Железнодорожникам все равно нужно возить грузы, а во время войны потребность в грузоперевозках возрастает многократно. При этом им самим, по большому счету, все равно, кто находится у власти – клондальцы, сурганцы или какие-нибудь зеленые рептилоиды с планеты Нибиру. Платили бы деньги. Притом собственных стволов и пушек у железнодорожников хватает в избытке, благодаря чему они и пользовались среди обитателей Центрума должным уважением. Совсем как пограничники некоторое время назад, невесело ухмыльнулся своим мыслям Ударник.

Клондальские солдаты спрыгивали из вагонов на землю, настороженно оглядывались. В своих выкрашенных в светло-серый цвет касках с широкими полями они напоминали возникшие посреди безжизненной пустоши заросли

бледных поганок. Похоже, никто не проинструктировал их заранее о том, зачем они здесь находятся и что следует делать дальше, – складывалось впечатление, будто в клондальских войсках царит полная сумятица и неразбериха. Откуда-то появился офицер, жестами приказал растерянно бродившим возле насыпи бойцам соорудить окоп поблизости от железнодорожного полотна. Двое солдат волоком протащили мимо вагона станковый пулемет.

Иван шагнул на влажную от росы подножку, выглянул наружу, ухватившись за холодную металлическую ручку тамбура. Справа высились темными громадинами предгорья Синего Кряжа, слева холмистая степь упиралась в серое марево густого тумана: где-то там вдалеке зиял бездонной пропастью Разлом, таинственная природная аномалия, глубокий порез на израненном теле планеты. А впереди… Впереди ждала неизвестность.

Теоретически сурганцы вполне могут пропустить его через кордон – гражданином воюющей страны он не является и угрозы для них не представляет. С другой – у него нет при себе никаких документов, что может вызвать нежелательные осложнения.

– Вы остаетесь? – вновь прогнусавил железнодорожник, следуя в обратном направлении по опустевшему вагону.

Эх, была не была.

– Остаюсь.

– Тогда сойдите с подножки и займите свое место. Отправляемся.

Состав громыхнул сцепками, и степь за окнами медленно поплыла назад. Качнулись и исчезли суетящиеся солдаты, уплыли вдаль сгруженные с состава ящики с боеприпасами и дымящиеся костры, вокруг которых топтались все те же воины в бесформенных бушлатах. Вновь потянулась монотонно-бурая равнина. Поезд тащился медленно, даже не пытаясь набрать скорость, колеса лениво отсчитывали стыки рельс.

Наконец картинка за окном изменилась. Показалось нечто, похожее на пограничный рубеж из нескольких слоев «колючки», растянутой меж врытых в землю кольев. Солдат в долгополой серой шинели и глубокой каске отодвинул в

сторону полосатый красно-белый шлагбаум, мимо прокатился, обдав его облаком сизой гари, приземистый колесный танк с черным ромбом на боку. Еще двое солдат о чем-то лениво переговаривались, сидя в обложенных мешками с песком пулеметных гнездах. Дальше окружающий пейзаж становился все более оживленным: вдоль полотна теперь сновали солдаты все в той же серой полевой форме, пропылил тентованный фургон на паровом ходу, показалось еще несколько стоящих в сторонке колесных танков, маленькие, хищные башни которых были бережно прикрыты от непогоды темным брезентом. Вдалеке, за небольшим пригорком, задрав стволы в небо, замерло около десятка артиллерийских орудий. Сурганцы, похоже, решили обставиться тут основательно: вдоль железнодорожного полотна выстроились шатры полевых палаток, где-то дымила кухня, потянуло кислыми щами. Ударник обратил внимание на весьма интересные конструкции, собранные из сложного переплетения металлических труб и закрепленные на спинах лошадей, которых вели под уздцы солдаты. В голове сам собою всплыл термин «вьючное седло»: конструкция позволяла закрепить на спине лошади огромное количество тюков, мешков, ящичков и торб, которые иным способом водрузить на конягу было бы попросту невозможно. Сбоку одного из вьючных седел он даже разглядел закрепленный кусок холщовой ткани с многочисленными кармашками, из которых выглядывали клювы почтовых голубей. Самое любопытное, подумал Иван, что, судя по карте, до сурганских земель отсюда еще около двух километров пути, то есть полевой лагерь был разбит уже на клондальской территории.

Тем временем поезд, устало и глубоко вздохнув, остановился. Двое сурганцев, первый – с винтовкой за спиной, второй – с пистолетом-пулеметом неизвестной Ивану конструкции на пузе, ловко запрыгнули на подножку и шагнули в полупустой вагон. Окинув нескольких оставшихся пассажиров подозрительным взглядом, вооруженный пистолетом-пулеметом солдат, на груди которого поблескивал медью круглый жетон с двумя перекрещенными мечами на фоне традиционного пшеничного снопа, сразу же шагнул к Ударнику.

– Диз лихте тарде кан? – спросил он.

– Извините, я не говорю по-сургански, – произнес Иван одну из немногих фраз, которые знал на этом языке.

– Предъявите документы, пожалуйста, – тут же перешел на клондальский обладатель блестящего жетона.

– У меня нет с собой документов. Я пограничник.

С этими словами Иван продемонстрировал татуировку на собственном запястье. Сурганец покачал головой:

– Вы находитесь в зоне боевых действий, и без документов мы не имеем права позволить вам следовать дальше. Прошу прощения, но вам придется пройти с нами.

– С какой целью?

– С целью установления личности. Не волнуйтесь, вашей жизни ничто не угрожает.

Пожав плечами, Иван дождался, пока напарник вооруженного пистолетом-пулеметом солдата закончит проверку бумаг у оставшихся пассажиров, и направился следом за ними к выстроившейся вдоль железнодорожной насыпи линии палаток. Вблизи лагерь казался еще более оживленным, чем из окна поезда: снующие туда-сюда вояки старательно месили сапогами грязь, к запаху готовящегося супа примешивался аромат горящих дров и конского навоза.

Ивана отвели в одно из наспех сколоченных из досок сооружений с натянутым поверху брезентовым тентом вместо крыши, велели ждать и заперли снаружи дверь на щеколду. Конструкция напоминала обычный дровяной сарай, свет проникал внутрь сквозь единственное небольшое оконце в дощатой стене. Наверное, сурганцы планировали хранить тут провиант. Хлипкая дверь сарая не представляла собою серьезной преграды: Иван мог бы выломать ее одним хорошим пинком. Если бы, конечно, в этом просматривался хоть какой-то смысл: с учетом количества обретавшихся снаружи вооруженных солдат это представлялось совершенно безнадежной затеей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/tyrin_valentin/razlom

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить